БИБЛІОТЕКА СПОЛОХИ

Э. МАГАРАМЪ

Мирэле

ИЗДАТЕЛЬСТВО Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

БИБЛІОТЕКА СПОЛОХИ

Э. МАГАРАМЪ

МИРЕЛЕ

ПОВѢСТЬ ОБЪ
ОДНОЙ ЛЮБВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83.

Свѣтлой памяти любимой
Ганночки — посвящаю.

Э. М.

ОТЪ АВТОРА.

Міръ ешиботниковъ, — еврейскихъ семинаристовъ, — этотъ своеобразный міръ поэзіи и нищеты, откуда вышла почти вся значительная, не только для еврейскаго народа, но и для окружающихъ его народовъ еврейская интеллигенція, — постепенно вымираетъ, сходитъ съ жизненной арены, и, пожалуй, вскорѣ станетъ лишь историческимъ воспоминаніемъ. Я здѣсь вовсе не собираюсь пѣть имъ отходную. Я всей душой понимаю, что иначе и быть не можетъ, что въ умахъ людей всего міра въ настоящее время бродятъ идеи новаго религіознаго культа, бытъ можетъ болѣе совершеннаго,

что, не сегодня — завтра, новые боги восторжествуютъ надъ старыми и, если не въ насъ, то утвердятся въ дѣтяхъ нашихъ и поведутъ ихъ по другимъ путямъ, по новымъ вѣхамъ. Я даже не скорблю объ этомъ, но и не радуюсь... Я лишь смотрю открытыми глазами на вещи; потому что *глаза у меня поставлены въ головѣ...*

И все таки грустно. Прошлое, вѣдь, всегда пріятно, какъ бы горько оно ни было. И возможно, что таковое отношеніе къ ученикамъ Святой Торы проявляется у меня особенно остро въ силу атавизма. Вѣдь я все же происхожу изъ семьи извѣстнаго раввина, прозваннаго сокращенно „Maharam", чьи комментаріи на Талмудъ стали классическимъ произведеніемъ еврейской богословской литературы и изучаются во всѣхъ хедерахъ и ешиботахъ. Возможно, что поэтому у меня сильнѣе бьется сердце, когда слышу напѣвъ Талмуда, когда вхожу въ Божій Домъ, несмотря на то, что по своему воспи-

танію и прошлому я былъ очень далекъ отъ еврейства и его религіознаго культа...

Настоящую небольшую повѣсть я задумалъ въ ссылкѣ, лѣтъ 12 тому назадъ, подъ вліяніемъ встрѣчи съ группой политическихъ ссыльныхъ, бывшихъ ешиботниковъ. За три года совмѣстнаго жительства, я очень близко сошелся съ ними, съ нѣкоторыми крѣпко сдружился и наслышался не мало поэтическихъ повѣствованій о жизни ешиботниковъ, овѣянныхъ грустью и печальнымъ юморомъ. Одной изъ этихъ исторій и является — «Миреле».

Къ сожалѣнію оригиналъ этой повѣсти затерялся въ скитаніяхъ во время послѣднихъ событій. Пришлось возстановить ее по памяти, ибо мнѣ очень дорога эта вещь, главнымъ образомъ, по юношескимъ воспоминаніямъ, которыя она вызываетъ во мнѣ лично...

Э. Магарамъ.

I.

Я плохо помню одинокое дѣтство. Я рано лишился матери, а отецъ мой, содержавшій корчму въ небольшомъ селѣ на югѣ Россіи, лелѣялъ завѣтную мечту — сдѣлать изъ меня раввина, дабы я отмолилъ его грѣхи. На десятомъ году, едва лишь я закончилъ еврейскую школу, хейдеръ, въ ближайшемъ отъ нашего села мѣстечкѣ, отецъ отвезъ меня въ небольшой городокъ въ Литву, откуда онъ самъ былъ родомъ, и сдалъ на руки извѣстному раввину, начальнику еврейской семинаріи, Рошъ-іешиве.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Многое забылось и стушевалось въ моей памяти, но, какъ сквозь сонъ, помню безотрадные годы моего одинокаго дѣтства.

Съ ранняго утра до поздней ночи, я изучалъ большіе толстые фоліанты Талмуда.

Въ моемъ одиночествѣ я полюбилъ эти мудрыя книги, переплетенныя въ старинные кожаные переплеты, изъѣденные молью, съ жирными слѣдами сальныхъ свѣчъ, пахнувшихъ святой древностью. Небольшія полукруглыя окна синагоги съ разноцвѣтными стеклышками пропускали мало свѣта, а торжественный мракъ концентрировалъ мысли, углубленныя въ отвлеченную мудрость древнихъ раввиновъ, постигшихъ глубокій скрытый смыслъ словъ и законовъ Всевышняго. Мои товарищи-ешиботники часто оставляли меня наединѣ, но я не чувствовалъ одиночества, увлекшись книгою, и засиживался далеко за полночь, при тускломъ мерцающемъ свѣтѣ заупокойной лампадки — «Нейръ-Томидъ», а напѣвъ Талмуда звонко раздавался подъ высокими, глухими сводами древней синагоги-ешибота. Спалъ я тутъ же, не раздѣваясь, на узкой длинной скамьѣ синагоги, подложивъ подъ голову толстые фоліанты Талмуда. По ночамъ, когда просыпался на твердомъ ложѣ, изо всѣхъ мрачныхъ угловъ смотрѣли страшныя таинственныя тѣни, казавшіяся щупальцами невидимаго дракона, притаившагося во мра-

кѣ, чтобы захватить меня врасплохъ, во снѣ . . .

Бывало, въ морозную зимнюю ночь, когда рано наступали сумерки, а бушевавшая вьюга стонала и свистѣла сквозь оконныя и дверныя щели старой синагоги, я читалъ громко нараспѣвъ древнія сказанія, чтобы заглушить напѣвомъ волнующій шумъ непогоды. Въ полумглѣ предметы и тѣни сгущались, казались живыми, переплетались въ разнообразные чудовищные узоры, а глаза, возбужденные страхомъ, съ болѣзненной яркостью видѣли во тьмѣ фантастическихъ драконовъ и костлявые скелеты мертвецовъ. Подъ вліяніемъ дневныхъ разсказовъ и вымысловъ ешиботниковъ, забившись въ отдаленный уголокъ обширной синагоги, я проводилъ ночи безъ сна, упирая взглядъ въ одну точку, гдѣ, мѣняясь ежесекундно, съ лихорадочной поспѣшностью, плыли, точно на экранѣ, страшныя таинственныя картины, навѣянныя одиночествомъ и больной фантазіей. По утрамъ, едва только я успѣвалъ вздремнуть послѣ кошмарной безсонной ночи, меня будили молящіеся. Я покорно вставалъ и усердно

молился, забывая при дневномъ свѣтѣ ночныя видѣнія. Днемъ не хотѣлось думать о нихъ. Избѣгая насмѣшекъ, я никому не говорилъ объ ужасахъ ночи.

По установившемуся обычаю, я питался въ семи разныхъ семьяхъ, гдѣ кормили меня по одному дню въ недѣлю. На жаргонѣ ешиботниковъ такой способъ питанія назывался «ѣсть дни». Бывало, иногда уходишь отъ дарового стола сытымъ, но чаще я голодалъ. Въ такіе дни я безропотно привыкъ переносить голодъ, мечтая о «сытыхъ дняхъ».

Такъ печально и безотрадно текла моя юность. Безъ друзей и близкихъ я скитался по міру и успѣлъ за долгіе годы побывать въ нѣсколькихъ ешиботахъ. Всюду были тѣ же полумрачныя синагоги, та же нищенская подачка во славу святого ученія Всевышняго. Съ каждымъ днемъ я все больше отдалялся отъ суетливой мірской жизни вокругъ, углубляясь въ изученіе Талмуда. Я сталъ извѣстенъ во всемъ краѣ, какъ «илуй» *) и сѣдые старики раввины не стѣснялись вступать

---

*) Илуй-всезнающій, пытливый умъ.

со мной въ споръ, разбирая неясныя мѣста священныхъ книгъ, восхваляя затѣмъ мой умъ и усердіе къ ученію.

Могъ ли я знать, что меня ждетъ впереди? Моя душа не знала тревогъ повседневной жизни. Она жила въ созвучіи со сказочнымъ міромъ древнихъ мудрецовъ-поэтовъ. Мои суровые, одинокіе дни скрашивалъ далекій тихій міръ библейскихъ сказокъ и легендъ, такихъ таинственныхъ и простыхъ, какъ легкій шелестъ вѣтра въ лѣтнюю ночь.

За книгою, въ отдаленномъ углу холодной, полумрачной синагоги, окруженный длинными деревянными скамьями и высокими пюпитрами, заплывшими расплавленными свѣчами, при тускломъ свѣтѣ мерцающаго огарка, я мысленно переносился въ Святую землю моихъ предковъ, туда, гдѣ текутъ рѣки молока и меда, гдѣ цвѣтутъ вѣчно-зеленые великаны, кедры и тополи, гдѣ подъ знойнымъ небомъ растутъ сладкіе сочные плоды, одно названіе которыхъ ласкаетъ слухъ, точно нѣжное прикосновеніе мягкаго бархата . . .

Вокругъ меня струился одурманивающій запахъ первыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Я мы-

сленно бродилъ по роскошнымъ садамъ іудейскихъ царей, восхищался сказочнымъ великолѣпіемъ Іерусалимскаго Храма, поднимался узкой тропой къ каменной вершинѣ Моріа и спускался къ тѣнистымъ, благоухающимъ берегамъ многоводнаго Іордана...

Опьяненный мечтами, но мучимый голодомъ, я отправлялся къ набожной сердобольной еврейкѣ, и она кормила меня лукомъ и ржавымъ хвостомъ селедки. Но развѣ мечты нуждаются во вкусной пищѣ? Или развѣ грезы нищаго менѣе прекрасны, чѣмъ грезы вѣнценосныхъ царей? Я жилъ въ прошломъ. Я жилъ славной исторической жизнью моего народа, Израиля.

Въ душѣ моей царствовалъ нерушимый покой, точно глубокій, забывчивый сонъ. Въ груди пѣли невидимые ангелы-херувимы, и сердце радостно трепетало безконечной любовью ко Всевышнему . . . Ахъ, оно могло бы исполниться, завѣтное желаніе моего отца! Возносясь на небо, онъ могъ бы радоваться, что оставилъ на землѣ сына — раввина, быть можетъ, великаго среди евреевъ, если бы въ мою жизнь не вошла та, которая

совратила меня съ пути праведнаго и, до конца моихъ дней, завладѣла моими думами...

II.

Снова вижу тихій городокъ съ узкими кривыми улицами и сѣрыми, полусгнившими деревянными заборами. Мутная рѣчка отдѣляетъ старый городъ отъ новаго, гдѣ на высокой горѣ красуется бѣлый католическій монастырь съ зелеными куполами и золотыми крестами. Немного ниже спускаются къ рѣчкѣ веселые, красные и бѣлые домики съ черепичными крышами, окруженные садиками, и нахмурившись смотрится свысока сѣрокаменное трехъэтажное зданіе Дворянскаго Собранія въ римскомъ стилѣ, надменное и вычурное, съ огромнымъ золотымъ орломъ надъ зеленой крышей.

Въ Старомъ городкѣ, по эту сторону рѣчки — дома деревянные, облѣпленные глиной, крытые камышомъ и почернѣвшей отъ времени соломой. По улицамъ гуляютъ безъ призора коровы и телята, барахтаются въ болотахъ свиньи, чешутъ бороды о забо-

ры козы. Важно прогуливаются, вытянувъ длинныя шеи, индюшки, недовольно ропщутъ гуси, квакаютъ утки, кричатъ пѣтухи, кудахтаютъ куры со всѣмъ своимъ выводкомъ. Въ дождливое время городокъ тонетъ по самыя окна въ жидкой грязи. Вдоль уличекъ проложены деревянные полусгнившіе мостки и бревна, пустившія зеленые ростки.

Центръ Стараго городка — дворъ синагоги. Здѣсь, подъ навѣсомъ, помѣщаются лавченки съ тряпьемъ; въ углу, гдѣ виднѣется корыто съ черной, запекшейся кровью, живетъ рѣзникъ; по обѣимъ сторонамъ воротъ вытянулись со своими корзинами и лотками еврейки-торговки овощами и фруктами. Тутъ и старыя и молодыя женщины, окруженныя стаями ребятъ, закутанныя въ горы тряпокъ, полубосыя, согбенныя, разбитыя. Помидоры, лукъ, жареный картофель и вареный горохъ, калачи, бублики, печеныя яблоки, вишни, черная башмала, соленые огурцы и арбузы, рѣдька, селедка, сыръ и масло—всякій продуктъ по сезону можно достать на этомъ дворѣ. Въ глубинѣ двора возвышаетя древняя синагога,

полуразваленное каменное зданіе, обросшее мхомъ и паутиной, съ продолговатыми, полукруглыми окнами, откуда постоянно несется талмудическій напѣвъ ешиботниковъ.

Послѣ долгихъ скитаній, я ранней весною попалъ въ этотъ городокъ, славившійся знаменитымъ іешивой. Рошъ-іешиве привѣтливо принялъ меня въ число своихъ учениковъ. Въ виду большого количества ешиботниковъ въ городкѣ, я обѣдалъ черезъ день, черезъ два ... Я жилъ впроголодь, изрѣдка пользуясь милостью прихожанъ.

Однажды — это было въ пятницу вечеромъ — я стоялъ въ синагогѣ недалеко отъ входа, дожидаясь, согласно обычаю, приглашенія къ Субботнему столу. Вокругъ меня евреи оживленно привѣтствовали другъ друга съ наступленіемъ Субботы и густой толпой стремились къ выходу. Меня замѣтилъ пожилой, богато-одѣтый еврей, одинъ изъ молящихся у восточной, почетной стѣны, и спросилъ:

— Юноша, вы гость въ нашемъ городѣ?

— Да.

2*

— Такъ окажите мнѣ честь и будьте моимъ Субботнимъ гостемъ.

Я поблагодарилъ его и пошелъ съ нимъ, окруженный группой евреевъ, его сосѣдей. Онъ жилъ въ Новомъ городкѣ. По пути разговорились. Вскорѣ вошли въ богатый, ярко освѣщенный домъ. Гостепріимный хозяинъ представилъ меня своей семьѣ, состоявшей изъ жены и единственной дочери, Миреле, и, съ молитвою: «Миръ вамъ, ангеламъ Всевышняго»,—мы сѣли за столъ.

Серебряный семисвѣчникъ освѣщалъ богато убранную столовую. На столѣ искрилось радужными лучами красное вино въ графинѣ, обставленномъ серебряными кубками. Наполовину покрытые бѣлоснѣжной скатертью, дожидались благословенія хозяина два зарумяненныхъ свѣжихъ калача, обильно усыпанныхъ пахучимъ чернымъ макомъ. Черезъ полуоткрытыя двери доносился изъ кухни пряный запахъ субботнихъ яствъ.

Противъ меня сидѣла дочь хозяевъ, Миреле, одѣтая въ бѣлое кружевное платье. Нѣжная, хрупкая, съ опущенными стыдливыми глазами и полуулыбкой на яркихъ ус-

тахъ. Временами, чувствуя на себѣ мой нечаянный восхищенный взглядъ, ея красивое продолговатое лицо покрывалось алымъ пламенемъ; она быстро опускала сѣро-голубые лучистые глаза, оттѣненные длинными черными рѣсницами.

Я впервые сидѣлъ за столомъ въ богатой семьѣ и очень стѣснялся. Хозяйка ласково ухаживала за мною, подкладывала мнѣ лучшіе куски, уговаривала ѣсть. Но я почти не дотрагивался до вкусныхъ блюдъ и, въ глубокомъ смущеніи, отвѣчалъ невпопадъ на вопросы хозяевъ. Чтобы развлечь меня, хозяинъ завелъ длинный талмудическій споръ, сыпалъ цитатами изъ священныхъ книгъ, но я мало говорилъ, терялся, краснѣлъ и, встрѣчаясь взглядомъ съ дѣвушкой, не зналъ, куда дѣваться отъ волненія.

За столомъ засидѣлись до поздней ночи. Послѣ ѣды я сталъ разговорчивѣй и, на разспросы присутствующихъ, разсказалъ про свою жизнь, про скитанія. Наконецъ, меня отпустили, пригласивъ на слѣдующій день къ обѣду.

Была тихая звѣздная ночь, когда я вышелъ на улицу. Слегка подувалъ весенній

вѣтерокъ, разливавшій вокругъ свѣжій сладковатый ароматъ зеленыхъ полей и лѣсовъ. По пустыннымъ улицамъ глухо отдавались мои одинокіе шаги, и неотступно плыла за мною продолговатая черная тѣнь. Что-то больно ныло въ груди и будило безпричинную грусть о давно забытыхъ дняхъ. Тосковалось по ласкѣ, по любви... Я всю ночь бродилъ по городу, охваченный новымъ, незнакомымъ чувствомъ. Никогда до той ночи я не засматривался на звѣзды, на луну, не чувствовалъ красоты свѣтлыхъ, тихихъ ночей, не вдыхалъ полной грудью, съ наслажденіемъ, несущіеся отовсюду опьяняющіе весенніе запахи, не прислушивался съ умиленіемъ къ таинственному журчанію воды, доносившемуся съ рѣки. До той ночи я жилъ въ прошломъ. Я черпалъ поэзію изъ книгъ. Онѣ, эти старыя книги, питали мой юношескій умъ и сердце сладкимъ ядомъ древности и предписывали жить безгрѣшной жизнью аскета. Не только жить, но и думать о радостяхъ жизни было стыдно и грѣшно...

И какъ-то неожиданно я проснулся и почувствовалъ всю прелесть окружающаго мі-

ра. Охваченныя ласковымъ вѣтеркомъ тихой ночи, моя душа и тѣло отдались очарованію пробуждающейся весны. И не въ мысляхъ, но гдѣ-то глубоко въ сердцѣ моемъ жило теплое, радостное воспоминаніе о черноволосой, голубоглазой дѣвушкѣ въ бѣломъ кружевномъ платьѣ...

Когда я пришелъ въ синагогу, голубой разсвѣтъ проникалъ черезъ полукруглыя окна, слившись съ тусклымъ, коптящимъ пламенемъ «Нейръ-Томидъ». У восточной стѣны, у амвона, беззвучно плыли туманныя тѣни шевелившихся во снѣ ешиботниковъ, свистѣвшихъ и храпѣвшихъ на разные лады.

Я прилегъ на скамью и отдался власти нахлынувшихъ грезъ и видѣній. Было необычайно ново и грѣшно, что въ храмѣ Божьемъ, недалеко отъ «Оренъ-Гакойдеша», гдѣ хранятся священные свитки Торы, предо мною носился милый, слегка отуманенный образъ молодой дѣвушки въ бѣломъ кружевномъ платьѣ. Напрасно я гналъ отъ себя грѣховное видѣніе, напрасно я шепталъ молитвы и закрывалъ глаза, чтобы не видѣть искушенія дьявола. Хитрый Ашмдай зналъ, чѣмъ прельстить меня...

III.

Въ глубокомъ волненіи я на слѣдующій день переступилъ порогъ гостепріимнаго дома. Опять меня приняли очень ласково и внушили, что нахожусь въ домѣ старыхъ знакомыхъ. На этотъ разъ, бесѣдуя съ хозяиномъ за столомъ, я произнесъ проповѣдь на отвлеченную тему изъ Талмуда. Я говорилъ громко, съ увлеченіемъ, энергично оспаривалъ доводы отсутствующихъ раввиновъ и все время старался не смотрѣть на мою сосѣдку за столомъ, чувствуя ея упорный взглядъ на себѣ. Хозяинъ, благообразный еврей, съ сѣдиной въ волосахъ, мѣстный крезъ, внимательно слушалъ меня, изрѣдка бросая многозначительный удивленный взглядъ своей супругѣ. Но я ужъ не чувствовалъ стѣсненія. Глаза мои затуманились влагой, лицо пылало отъ возбужденія, и весь я перенесся въ иной міръ, совсѣмъ забывъ о присутствующихъ за столомъ.

Когда я кончилъ проповѣдь, мои глаза встрѣтились съ лучистымъ взоромъ дѣвушки. Я опять смутился и торопился уходить, но хозяева настаивали, чтобы я про-

велъ весь субботній день у нихъ въ домѣ. Послѣ обѣда старики пошли отдыхать, а меня оставили въ тихой, свѣтлой гостиной, уставленной мягкой мебелью, гдѣ помѣщалась библіотека еврейскихъ книгъ.

Я принялся за чтеніе. Большіе стѣнные часы неумолчно разсказывали о чемъ-то важномъ, существенно-необходимомъ, а мѣдный ярко-вычищенный маятникъ совершалъ свой безконечный путь, отбрасывая свѣтлый лучъ на противоположную стѣну. Въ комнатѣ чувствовался субботній запахъ святого отдыха. Черезъ окно, по ту сторону рѣчки, въ Старомъ городкѣ, видны были группы дѣвушекъ и юношей въ субботнихъ платьяхъ, чинно прогуливающихся вдоль улицы подъ липами. Изрѣдка торжественную тишину городка прорѣзалъ отдаленный свистъ локомотива со стороны желѣзнодорожной станціи, или хрипло оралъ козелъ, отчаянно барахтаясь въ лужѣ.

Я смотрѣлъ въ книгу, но мысли мои, помимо моей воли, были поглощены дѣвушкой, возившейся съ чѣмъ-то въ сосѣдней комнатѣ. Черезъ стѣну отчетливо раздавалось каждое ея движеніе. Слышался шорохъ

юбокъ, легкій стукъ упавшаго гребня, плескъ воды, мягкіе шлепки босыхъ пятокъ по полу и еще нѣчто неуловимое, по которому можно было догадаться, что дѣвушка переодѣвается. Напрасно я затыкалъ уши и читалъ громко, нараспѣвъ, чтобы не слышать шелеста за стѣной. Напрасно я старался не думать о ней. Проходила минута, и я, снова, съ затаеннымъ дыханіемъ, прислушивался къ каждому шороху, чувствуя дѣвушку въ каждомъ звукѣ, вздрагивая, инстинктивно угадывалъ ея движенія, ея дыханіе . . .

Неожиданно беззвучно открылась дверь, и на порогѣ показалась Миреле. Я сдѣлалъ неловкое движеніе, не зная, куда спрятать мѣшавшія мнѣ руки и ноги, сгорбился и опустилъ глаза, не смѣя встрѣчаться съ дѣвушкой взглядомъ. Но она, не замѣтивъ моего смущенія, любезно пригласила меня въ столовую къ чайному столу. Я поплелся за ней съ поникшей головою, путаясь ногами за мебель, какъ слѣпой.

Въ столовой было свѣтло и уютно. Миреле, въ простенькомъ домашнемъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, дѣловито-серьезно раз-

ливала чай. Никогда еще до того я не оставался наединѣ съ дѣвушкой, и не зналъ, куда спрятать лицо, глаза; мнѣ казалось, что она прочтетъ на немъ всѣ мои мысли о ней. Но Миреле все такъ же спокойно хлопотала за столомъ, и ея маленькія руки, такія трогательныя, живыя въ работѣ, проворно двигались межъ посуды, накладывали варенья и печенья. Откуда-то издалека доносились отдаленные звуки города, черезъ открытыя окна слышался первый лепетъ весеннихъ птицъ, глухо пѣлъ свою пѣсенку самоваръ на столѣ, а ароматъ чая, слившись съ терпкимъ, сладковатымъ запахомъ садика за окномъ, будилъ воспоминанія о давней, забытой веснѣ . . .

Миреле первая прервала молчаніе. Вначалѣ я терялся, отвѣчалъ невпопадъ на вопросы, но затѣмъ понемногу успокоился, а голосъ дѣвушки звучалъ для меня въ тихой комнатѣ, какъ сладкая музыка. Бесѣда наладилась. Миреле разспрашивала меня про родныхъ, про мою одинокую жизнь на чужбинѣ. Ея сочувствіе ободрило меня. Много было о чемъ разсказывать. Сиротливое дѣтство въ полумрачныхъ синагогахъ-еши-

ботахъ, голодъ, холодъ и скитанія изъ города въ городъ. День за днемъ прошла въ памяти моя жизнь. А Миреле внимательно слушала, ея печальные глаза сочувственно смотрѣли и родственно ласкали меня. Ознобъ волненія прошелъ. Мнѣ становилось все теплѣе и легче на душѣ, а дѣвушка, съ глазами, полными слезъ, казалась мнѣ близкой и родной, ближе матери и сестры, ближе всѣхъ на свѣтѣ...

Я очнулся, почувствовавъ теплую руку Миреле на моей головѣ. Близко, съ нѣмымъ сочувствіемъ, смотрѣли на меня ея глаза, влажные и горящіе. Чуть-чуть вздрагивали сочныя и яркія, какъ спѣлыя вишни, губы, созданныя для поцѣлуевъ... Я поднялъ голову и, какъ загипнотизированный, встрѣтившись съ лучистымъ взглядомъ дѣвушки, крѣпко сжалъ зубами губы, чтобы заглушить рыданіе. Мигъ казался вѣчностью. Сладкая боль вздымалась наружу, и одна очень жгучая слеза покатилась по моей щекѣ. Миреле слегка коснулась рукой моихъ волосъ и тихо прошептала:

— Бѣдный мой...

Зарябило въ глазахъ. Горячій туманъ

окуталъ меня, скрылъ всѣ предметы вокругъ, и необычайно ярко, какъ солнце, стояло предо мною наклонившееся ко мнѣ невыразимо-красивое лицо Миреле. Мы потянулись другъ къ другу, обнялись и впились горячими устами въ уста.

Дѣвушка прильнула ко мнѣ, и всѣмъ моимъ существомъ я ощущалъ теплыя, округленно-упругія формы ея дѣвственнаго тѣла. Наше горячее дыханіе слилось, и чудилось, что мы дышимъ другъ другомъ...

Въ груди усиленно билось расширенное сердце, и тревожно постукивала кровь въ вискахъ. Сладкимъ трепетомъ была объята душа, а каждый мигъ поцѣлуя казался безконечнымъ счастьемъ и долгимъ, острымъ наслажденіемъ передавался разгоряченному, возбужденному тѣлу. Весь міръ потонулъ въ любовномъ порывѣ...

Я слегка отстранилъ отъ себя дѣвушку, зачарованный прикоснулся рукой къ ея лицу и заглянулъ въ глаза, синіе и бездонные, сверкавшіе, какъ два голубыхъ топаза, тысячею различныхъ оттѣнковъ. Миреле смотрѣла на меня застывшимъ, опьяненнымъ взглядомъ. На бѣломъ высокомъ лбу ея про-

бѣжала едва замѣтная тонкая черточка, и отъ волненія задрожалъ межъ бѣленькими зубами, ровными, какъ перлы на ниточкѣ, продолговатый кончикъ языка. Миреле стыдливо потупила глаза, рѣзко вырвалась изъ моихъ объятій и, не оглядываясь, выбѣжала изъ комнаты.

IV.

Въ меня вселился злой духъ. Я забросилъ ученіе и ходилъ, какъ во снѣ, съ поникшей головой и блуждающимъ взоромъ. Гдѣ бы я ни находился: на улицѣ, въ комнатѣ, въ синагогѣ — всюду меня преслѣдовалъ образъ Миреле, наклонившейся ко мнѣ. Я видѣлъ передъ собою ея горящій взглядъ, чувствовалъ теплую ласку ея рукъ, слышалъ порывистое дыханіе вздрагивающихъ отъ перваго поцѣлуя, алчущихъ губъ . . .

По ночамъ я горѣлъ въ лихорадкѣ. Въ полночь, когда засыпали ешиботники, я, какъ лунатикъ, крадучись, выбѣгалъ на улицу и отправлялся къ завѣтному дому, лязгая зубами отъ волненія и ночного холода. Въ черной дали, на невидимой окраинѣ

сторожа трещали колотушками, и въ темнотѣ чудилось, что во всемъ мірѣ бодрствуютъ лишь я и тѣ таинственные люди, охраняющіе городъ. Ахъ, это были долгія, долгія ночи... Иногда меня охватывалъ жуткій страхъ. Холодъ сковывалъ мои члены, но я не могъ уходить. Меня притягивала къ этому дому таинственная сила, противъ которой я не въ состояніи былъ бороться.

На разсвѣтѣ я возвращался въ синагогу, продрогшій и усталый, и, крадучись, занималъ свое мѣсто. Но и послѣ безсонной ночи я не могъ уснуть. Образъ дѣвушки безпрестанно не давалъ мнѣ покоя. Я ворочался съ мѣста на мѣсто, лежа съ открытыми глазами, безсмысленно разглядывая пестрыя стеклышки въ полукруглыхъ окнахъ синагоги...

Наступили долгіе дни и безконечныя ночи. Избѣгая людей, я уходилъ далеко за городъ, въ полудикій лѣсъ, и бродилъ напрямикъ, безъ пути, одинъ, затерянный среди величавыхъ тополей и сосенъ. Мѣстами, на полянахъ, гдѣ еще не такъ давно ослѣплялъ взоръ дѣвственно-бѣлый снѣгъ, появилась первая лѣсная зелень среди потоковъ мут-

ныхъ весеннихъ водъ. Съ возвышеній стремительно сбѣгала внизъ талая вода, ручьи и рѣчки, бурлящіе и клокочущіе, покрытые густой грязноватой пѣной.

Уставъ отъ ходьбы, я ложился на сухой бугорокъ, съ умиленіемъ прислушиваясь къ лѣснымъ звукамъ вокругъ. Отовсюду шелъ пряный, влажный запахъ пробуждающейся земли. Весело щебечутъ первыя весеннія птицы, дѣловито устраивая гнѣзда. Чирикаютъ воробьи, свистятъ коростели. Въ свѣжей зелени поляны, какъ желтые глазки, свѣтится ромашка, пестрятъ малиновые колокольцы, вьются змѣйками васильки и одуванчики. Изрѣдка со стороны дороги заржетъ конь, раздирающе заскрипятъ несмазанныя колеса, или сонмомъ звуковъ разсыпятся вдали голоса мужиковъ и бабъ, возвращающихся изъ города. Было хорошо лежать на спинѣ, глазами къ ясному небу, и думать о «ней», о Миреле. Вотъ гдѣ-то близко раздается ея голосъ, я вижу ее сквозь туманъ воспоминаній . . . Она стоитъ передо мною въ бѣломъ платьѣ, такая яркая, живая, и ласково смотритъ на меня, улыбаясь милой улыбкой, будто говоритъ:

— Развѣ моя вина въ томъ, что я такая?..

Тихо шевелятся грезы. Гдѣ-то, когда-то это было во снѣ... Я стою на амвонѣ въ синагогѣ и говорю проповѣдь. Сотни людей нѣмо застыли со сдерживаемымъ дыханьемъ въ груди. Въ полумглѣ, какъ живые, шевелятся огоньки заупокойныхъ лампадокъ, «Нейръ-Томидъ». Никто не шелохнется. И, когда мой голосъ на низкихъ нотахъ переходитъ въ шопотъ, я слышу біеніе сотенъ сердецъ, бьющихся въ унисонъ съ моимъ сердцемъ. Лишь изрѣдка изъ дальнихъ рядовъ доносится осторожный, сдержанный кашель. А когда мой голосъ крѣпнетъ и густыми волнами поднимается все выше и выше надъ головами толпы — чудится, что гудитъ огромный колоколъ, зовущій на помощь, и кажется, что вотъ-вотъ должно случиться нѣчто страшное, непоправимое, отчего сердце сжимается ледянымъ холодомъ, и изъ вздрогнувшей толпы раздаются рыданія...

Я умолкаю и слышу вокругъ восхищенный шопотъ толпы: «Какъ говоритъ! Это молодой раввинъ, зять Гринберга»... Мой голосъ снова дрожитъ среди напряженнаго

молчанія толпы, ритмически опускаясь и вздымаясь сплетаясь въ яркіе узоры. Говорю проповѣдь, но сердце мое тамъ, наверху, на хорахъ, откуда доносится всхлипыванье женщинъ. Тамъ, облокотившись о перила, сидитъ Миреле, *моя Миреле,* моя невѣста, и съ гордостью смотрить на меня, сдерживая слезы радости. Она не знаетъ, что я говорю мою проповѣдь не для всей этой толпы, а для нея, только для нея одной... Затѣмъ, когда выхожу изъ синагоги, привѣтствуемый восторженной толпой, встрѣчаю Миреле у выхода и спрашиваю съ притворнымъ удивленіемъ: «Какъ! Вы, Миреле, также были въ синагогѣ?» Лицо Миреле густо краснѣетъ, она стыдливо прячетъ глаза и, обиженная не знаетъ, что дѣлать съ досады. Ея мать отвѣчаетъ за нее: «Конечно, она была все время въ синагогѣ и слушала проповѣдь своего жениха»...

Всю дорогу домой Миреле хмурится и не разговариваетъ со мною. Она сердится, что я ея не замѣтилъ. Но въ домѣ, когда мы остаемся наединѣ, я цѣлую ея руки и говорю: «Дорогая Миреле! Прошу тебя, не сердись на меня. Я тебя такъ крѣпко люблю.

Я все время проповѣди думалъ о тебѣ. И говорилъ я эту проповѣдь лишь для того, чтобы ты слыхала ее, только для тебя одной». Опять лицо Миреле озаряется улыбкой. Глаза ея оживаютъ, щеки вновь покрываются алой краской. Она прячетъ мою голову на своей груди, цѣлуетъ мои глаза, ласкаетъ меня своими маленькими, созданными для любовной нѣги руками и тихо шепчетъ мнѣ на ухо:

«Мой милый, мой любимый, мой раввинъ!..»

Тихо въ лѣсу. Лишь таинственно шепчутся деревья, уходятъ вдаль дорожки и тропы. Неслышно тянется къ солнцу ранняя весенняя травка. Птицы порхаютъ съ вѣтки на вѣтку и шаловливо приглашаютъ другъ дружку:

— Иди сюда! Иди сюда! Иди сюда!...

И вѣютъ сладкія грезы. Я забываю убогую, мрачную синагогу, тусклый свѣтъ мерцающаго «Нейръ-Томидъ», сердитое лицо Рошъ-іешиве, который въ послѣднее время недоволенъ мною за мою небрежность къ изученію Талмуда, забываю шушуканье и насмѣшки товарищей-ешиботниковъ. Я так-

же не вижу своего порыжѣвшаго заштопаннаго неумѣлой рукой пестрыми нитками стараго сюртука и грязныхъ, порванныхъ сапогъ. Все это улетучивается изъ моей памяти, и существуетъ во всемъ мірѣ лишь она одна:

«Миреле Гринбергъ» . . .

Когда я приду къ ней въ домъ, то сдѣлаю видъ, что совсѣмъ забылъ все, что произошло тогда, въ субботу. Я даже не взгляну на Миреле, — я лишь буду чувствовать ее вдали. И буду прислушиваться къ сладкой, ноющей боли въ груди. Я вѣдь совсѣмъ ее не знаю, эту дѣвушку съ черными косами и синими глазами. И вовсе она не такая красивая, какъ кажется мнѣ, глупому ешиботнику. Только губы у нея, маленькія, упругія и такія нѣжныя, какъ нераспустившаяся роза на разсвѣтѣ, а зубы такіе влажные, холодные, ароматные...

Или нѣтъ! Какъ собака, лягу у ея ногъ, неслышно буду ходить за нею, цѣловать слѣды ея, лишь бы она не прогнала меня, только бы она позволила мнѣ поклоняться ей . . .

Причудливо раскинулись вокругъ деревья и кусты. Въ глубинѣ деревьевъ, далеко-далеко за сѣро-серебристыми вѣтками тальника, дремлетъ тинистое озеро, покрытое зеленой плѣсенью. На немъ беззвучно плаваютъ сгнившія черныя бревна, корявые отростки сучьевъ и вѣтвей, цѣлые островки побурѣвшихъ листьевъ, спаянныхъ сине-зеленымъ мхомъ. Вѣтерокъ надъ озеромъ слегка пахнетъ тиной и сладкими цвѣтами. Въ вышинѣ ласково шушукаются острыя верхушки сосенъ, изрѣдка призывно закричитъ птица, покачиваясь на тоненькой вѣточкѣ стройной березки, и тихая грусть одиночества сладкой болью проникаетъ въ душу . . .

Задушевно журчитъ талая вода въ ручейкахъ. Теплый вѣтерокъ слегка колышетъ рѣдкіе зеленѣющіе кусты. Не смолкаетъ птичій хороводъ, и, время отъ времени, передъ самымъ носомъ прочирикаетъ шаловливо воробей, точно приглашаетъ:

— А ну-ка, братъ, погонись за мной! Врешь — не поймаешь . . .

Снова слышу голосъ Миреле:

— Я такъ долго ждала васъ. Много дней я васъ не видѣла. Я по вечерамъ ходила вокругъ синагоги и заглядывала въ окна, надѣясь увидѣть васъ. По ночамъ я закрывала глаза, хотѣла представить себѣ, какимъ вы были тогда, когда слились наши уста, но никакъ не могла вспомнить вашего лица. Въ грезахъ вы всегда являлись мнѣ въ туманѣ. Временами я плакала отъ боли и зарывала лицо въ подушку и тихо стонала, сжимая зубы, чтобы никто не услыхалъ мой стонъ...

И я отвѣчаю ей:

— Дорогая Миреле! То же самое бываетъ и со мною. Моя жизнь стала пустой безъ тебя, Миреле. Я забылъ Бога въ мысляхъ о тебѣ, и не могу больше изучать святыя книги. Ашмдай опуталъ мой мозгъ грѣховными думами. Я не смѣю находиться въ домѣ Господнемъ, гдѣ лежатъ священные свитки Торы: грѣхъ опуталъ меня съ ногъ до головы, но я не могу осилить дьявола. Меня ожидаютъ всѣ муки ада, но я все-таки люблю тебя, Миреле . . .

Такъ я постоянно мысленно разговаривалъ съ нею, бредилъ ею, спорилъ и защищался. Въ тоскѣ я называлъ ее ласкатель-

ными именами, рисовалъ себѣ ея образъ по памяти, но постоянно видѣлъ ее въ туманѣ. Неясное видѣніе еще больше томило меня. Я невыносимо страдалъ отъ грѣховныхъ думъ . . .

Окружающіе, Рошъ-іешиве и ешиботники замѣтили перемѣну во мнѣ, но не могли объяснить себѣ, что со мною стало. Да и я самъ также не могъ понять, что со мною происходитъ. Мнѣ все это казалось дьявольскимъ навожденіемъ. Я хранилъ въ душѣ грѣховныя мысли о дѣвушкѣ, боясь сознаваться въ нихъ самому себѣ. Я гналъ грѣховныя думы, читалъ заклинанья — ничего не помогло. Я впалъ въ апатію, все вокругъ стало тускло и неинтересно, а жизнь казалась адомъ на землѣ . . .

V.

Весною, лишь только солнышко присушило уличную грязь въ Старомъ городкѣ, евреи готовятся ко встрѣчѣ веселаго праздника — Пасхи.

Изъ всѣхъ домовъ выставляютъ наружу мебель, посуду, моютъ и чистятъ комнаты и полы мелко натертымъ камнемъ, выно-

сятъ все квашеное изъ дому. Дѣти группами безпризорно гуляютъ по улицамъ, пропадаютъ на цѣлые дни за городомъ въ лѣсу, исполняютъ порученія къ празднику, или заучиваютъ традиціонные «четыре вопроса», которые они будутъ спрашивать во время пасхальнаго обряда за столомъ.

Вездѣ кипитъ работа. Постепенно съ еврейскихъ домовъ спадаетъ скорлупа грязи и пыли, поблескиваютъ на солнцѣ чистыя стекла оконъ, кое-гдѣ свѣтится подновленная изгородь, новокрашеныя двери или ворота. Внутренность домовъ также мѣняется. Къ Пасхѣ еврейство готовится долго, любовно, словно къ прибытію дорогого гостя изъ заморскихъ странъ. Въ эти свѣтлые дни послѣдняго еврейскаго бѣдняка ожидаютъ дома вкусныя пасхальныя яства, красное вино и сверкающій чистотой и бѣлизной уютный очагъ. Но больше всѣхъ радуются свѣтлому празднику ешиботники. Чужіе, бездомные, питающіеся изъ милости по одному дню въ недѣлю въ разныхъ семьяхъ, они къ Пасхѣ становятся настоящими желанными гостями и всѣ восемь дней праздника чувствуютъ себя членами семьи, гдѣ ихъ, со-

гласно древнему обычаю, принимаютъ особенно радушно и любовно.

Вечеромъ, въ канунъ праздника, я молился отдѣльно отъ товарищей и сиротливо смотрѣлъ на окружающія меня радостныя лица. Невеселыя мысли возбуждалъ во мнѣ этотъ праздникъ. Я тщетно силился вызывать въ памяти умильное настроеніе прошлыхъ лѣтъ въ это время. Но думы о Миреле не оставляли меня и здѣсь. Передъ глазами стоялъ все тотъ же обаятельный, грѣшный образъ дѣвушки, и тоска давила меня. Жизнь безъ Миреле казалась холодной и безцѣльной . . .

Синагога свѣтилась всѣми люстрами. Сотни огней искрились сквозь призмы кристалликовъ въ гирляндахъ, украшавшихъ праздничные канделябры и люстры, осѣняя веселую толпу радужными лучами. Совсѣмъ новой, другой казалась полумрачная, хмурая синагога, нельзя было узнать ея прихожанъ, одѣтыхъ во все лучшее, праздничное.

Лишь я одинъ выдѣлялся среди молящихся своимъ убогимъ видомъ. Я безсознательно шепталъ молитвы, старался вытряхнуть изъ себя гнетущія мысли. Вокругъ

весело жужжала толпа. Голосъ кантора звучалъ звонко и радостно. Еврейскіе мальчишки, одѣтые въ новыя одежды, чувствовали себя принцами и весело шалили, вторя за канторомъ молитвы. Евреи торжественно привѣтствовали другъ друга съ наступленіемъ праздника. Но я не чувствовалъ теплой волны въ груди, какъ бывало въ прошломъ, при наступленіи свѣтлаго праздника.

Такъ я и не замѣтилъ, какъ подошелъ ко мнѣ отецъ Миреле въ сопровожденіи моего учителя, Рошъ-іешиве.

— Почему вы такъ невесело смотрите? спросилъ Гринбергъ: — развѣ можно печалиться сегодня, въ такой торжественный вечеръ?

Отъ неожиданности я смутился и не зналъ, что ему отвѣтить. Меня выручилъ мой учитель:

— Да, онъ плохо выглядитъ въ послѣднее время. Я полагаю, что это отъ слишкомъ долгихъ постовъ. Недаромъ же наши мудрецы говорили: «Когда нѣтъ хлѣба — нѣтъ и ученія». Тѣмъ болѣе жаль, что это мой самый способный ученикъ.

При этихъ словахъ отецъ Миреле о чемъ-то пошептался съ Рошъ-iешиве и обратился ко мнѣ:

— Идемте, юноша, ко мнѣ. Я приглашаю васъ на Пасху. Кромѣ того, вы будете жить у меня, пока не поправитесь. Я еще, слава Богу, въ состоянiи содержать ученика святой Торы . . .

Все это произошло такъ неожиданно, что я не успѣлъ собраться съ мыслями. Я бормоталъ что-то, вродѣ благодарности, но отецъ Миреле не далъ мнѣ говорить и ласково сказалъ:

— Будетъ вамъ, я очень жалѣю, что не оставилъ васъ у себя, когда вы впервые были у насъ въ домѣ. И такъ ужъ моя старуха ругала меня, что я отпустилъ васъ. Теперь вы бы ужъ давно поправились.

Я слушалъ и не вѣрилъ, что все это происходитъ на-яву. Мнѣ чудилось, что это одинъ изъ тѣхъ сновъ, которые такъ часто охватывали меня въ послѣднее время. Мысль, что буду жить вмѣстѣ съ Миреле въ одномъ домѣ, видѣть ее на-яву, слышать ея голосъ — казалась мнѣ невѣроятной. Но

тутъ же дожидался меня отецъ Миреле, и я не могъ не вѣрить происшедшему.

Была звѣздная ночь, когда я вышелъ съ Гринбергомъ изъ синагоги. По пути онъ отечески-ласково разговаривалъ со мною, разсказывалъ, что меня часто вспоминали у него въ домѣ. Сдерживая волненіе, я спросилъ:

— А какъ поживаютъ ваша супруга и... дочь?

— Такъ, ничего, спасибо... Только вотъ съ дочерью, съ Миреле, что-то неладно. Сами увидите.

Въ домѣ насъ привѣтливо встрѣтила хлопотавшая хозяйка. Она, видимо, обрадовалась мнѣ и сказала:

— Ну, вотъ, очень хорошо, что вы будете справлять «сейдеръ» съ нами. А то при столѣ былъ бы одинъ только мужчина. Теперь у насъ будетъ веселый праздникъ. Идите пока въ гостиную, тамъ Миреле одна сидитъ.

И видя, что я растерялся, она подтолкнула меня дружески рукой и, открывъ двери гостиной, обратилась къ дочери:

— Миреле, займи пока гостя, скоро къ столу пойдемъ.

Негнущимися ногами я переступилъ порогъ и увидѣлъ Миреле. Она была одѣта въ свѣтлое домашнее платье. Лицо ея похудѣло, и еще печальнѣе смотрѣли удивленно раскрытые синіе глаза, подернутые темными кругами, блестѣвшіе искорками далекаго дивнаго огня.

Увидѣвъ меня, Миреле двинулась мнѣ навстрѣчу, но тутъ же безпомощно опустилась на ближайшій стулъ. Мы долго безмолвно разглядывали другъ друга. Такъ много хотѣлось говорить, но сразу пересохло въ горлѣ, а воздухъ казался накаленнымъ, и громко стучали молотки въ вискахъ, заглушая мысли. Миреле первая опомнилась и спросила:

—Почему вы такъ долго не были у насъ?

Я не могъ ей отвѣтить и бормоталъ невнятно:

— Такъ... Не знаю...

Дѣвушка опустила глаза и сказала:

— Я думала, что вы разсердились на меня...

— Сердиться на васъ? За что?..

— Мнѣ такъ казалось...

Я видѣлъ Миреле, но мнѣ чудилось, что не живая Миреле стоитъ предо мною, а тотъ далекій, туманный образъ ея, который не давалъ мнѣ покоя. Упала туманная пелена, я вижу предъ собою мою мечту, словно живой отпечатокъ моихъ грезъ, такую же прекрасную, неземную, близкую и далекую мечту мою...

Изъ столовой доносился звонъ посуды и торжественный голосъ хозяйки, готовившей столъ къ пасхальному обряду. Отъ висящей подъ потолкомъ лампы съ синимъ колпакомъ лился блѣдно-голубой свѣтъ, оттѣнявшій лицо и шею Миреле глубокими тѣнями. Она подошла ближе ко мнѣ и, потупивъ взоръ, прерывающимся шопотомъ спросила:

— А вы... думали... обо мнѣ?..

Я не зналъ, что отвѣтить. Горячій комъ подступилъ къ горлу и сковалъ мои губы. Я всмотрѣлся воспаленными глазами въ глаза Миреле и, чувствуя сладкую, жгучую, стыдливую боль, сказалъ:

— Да, Миреле...

Миреле потянулась ко мнѣ, хотѣла что-то сказать... Въ комнату вошла ея мать и позвала насъ въ столовую къ праздничному столу.

VI.

Поздно ночью, почти на разсвѣтѣ, когда закончился пасхальный обрядъ—«сейдеръ», я вышелъ съ Миреле на крыльцо. Въ головѣ шумѣло отъ выпитаго за столомъ вина, и отъ непривычки меня охватила безпричинная радость. Въ темномъ небѣ играли звѣзды, излучаясь во мглѣ радужными лучами, словно тамъ, въ вышинѣ, пылалъ милліонами огней исполинскій сказочный городъ. Изъ ближнихъ домовъ отдавалось глухое отдаленное эхо запоздавшихъ съ «сейдеромъ» евреевъ, пѣвшихъ навеселѣ «Пѣсню Пѣсней», или вдругъ ночную тишину прорѣжетъ острое, хриплое пѣніе пѣтуха, ворчливый одинокій лай собаки или сухой отрывистый стукъ колотушки ночного сторожа. Передъ крыльцомъ, какъ живыя, таинственно шептались деревья, шевеля въ темнотѣ голыя вѣтви.

Опьяненный, согрѣтый виномъ, я взялъ руку Миреле и поднесъ къ губамъ. Она вздрогнула, но оставила мою руку въ своей, не то отстраняя, не то прижимая ее. Въ груди теплилась тихая радость. Окутанный синими крыльями ночи, городокъ казался затеряннымъ вдали. Я неясно видѣлъ лицо Миреле, но касался щекой ея мягкихъ, вьющихся волосъ, слышалъ съ умиленіемъ, какъ часто, порывисто бьется ея сердце, какъ милый лепетъ раздается въ черной тиши, словно ангелъ безкрылый ходитъ по землѣ, наполняя ее чарующими звуками. Я вспомнилъ безсонныя ночи, проведенныя передъ крыльцомъ, и, склонившись къ дѣвушкѣ, сказалъ:

— Видите, Миреле, эту темную уличку? Сюда я приходилъ каждую ночь и до разсвѣта стоялъ предъ вашими окнами, думая о васъ. Какъ зачарованный, я бродилъ одиноко предъ вашимъ домомъ и старался угадывать ваши сны. Я говорилъ себѣ: вотъ она прочла «Кріасъ Шема»*), и лежитъ въ своей кроваткѣ въ невинномъ снѣ, а надъ ея изголовьемъ летаютъ бѣлые ангелы съ серебря-

*) Молитва передъ сномъ.

ными крыльями, охраняютъ ея мирный сонъ и баюкаютъ ее, напѣваютъ ей тихія, небесныя пѣсенки. И снится ей синее-синее небо и свѣтлый мѣсяцъ, слегка заволоченный пушистыми облачками. Шалятъ, рѣзвятся облачка, набѣгаютъ другъ на дружку, прыгаютъ, кувыркаются, сталкиваются, разсыпаются и несутся дальше, рисуя на синемъ фонѣ мягкіе бѣлые силуэты людей, животныхъ, снѣжныхъ горъ и избушекъ. А Миреле тихо улыбается во снѣ своимъ ангеламъ-хранителямъ... Я не знаю, къ чему разсказываю вамъ все это, Миреле. Быть можетъ, вы, отойдя отъ меня, будете смѣяться надо мною, надъ моими глупыми словами. Но, когда я останусь наединѣ, дорогая Миреле, мои мысли будутъ съ вами : я опять буду думать о васъ, тосковать и томиться по васъ. Всегда когда встаю отъ сна, когда ложусь, во снѣ и на-яву, мои мысли начинаются и кончаются вами... Думая о васъ, я знаю, что это грѣшно, меня давитъ тяжесть грѣха, но я не могу его сбросить съ плечъ моихъ. Вѣдь всего прошло лишь нѣсколько недѣль, какъ я впервые увидѣлъ васъ, но мнѣ кажется, что отъ самаго рожденія я думалъ о васъ,

жилъ вами. Мои мысли о васъ грѣшны, я не смѣю прикасаться къ святымъ книгамъ, боясь загрязнить ихъ своими руками. Ахъ, Миреле, меня ждутъ на томъ свѣтѣ всѣ муки ада, но я все-таки не могу забыть васъ и со свободной душой покаяться передъ Всевышнимъ!..

Крупные бриллiанты заблестѣли въ глазахъ Миреле. Слезы катились по ея блѣдному лицу, она глотала ихъ вмѣстѣ съ воздухомъ, прикусывая губы, чтобы заглушить рыданiе. Слезы Миреле больно щемили мнѣ сердце, я тихо ласкалъ ея волосы и поцѣлуями сушилъ ея глаза, чувствуя ихъ острый, солоноватый вкусъ. Успокоенная лаской, Миреле улыбнулась сквозь слезы и съ мягкимъ материнскимъ укоромъ въ голосѣ сказала:

— Милый мой! Я плачу отъ боли за тебя и отъ радости за мою любовь... Развѣ ты не чувствуешь, какъ я тебя люблю? Правда, еврейской дочери не подобаетъ такъ говорить, но что мнѣ дѣлать, если для меня потемнѣлъ весь мiръ, и я брожу въ темнотѣ, какъ слѣпая, съ единственнымъ желанiемъ видѣть тебя, чувствовать тебя вблизи! Напрасно ты

думаешь, что любить грѣшно. Развѣ Богъ не создалъ насъ для любви? Вспомни, дорогой, что за сорокъ дней передъ рожденіемъ человѣка ему назначаютъ на небѣ друга на всю жизнь...

Она умолкла, словно собирала мысли. Затѣмъ стыдливо, прерывающимся голосомъ продолжала:

— Я такъ много думала о тебѣ. По утрамъ моя подушка была мокрая отъ слезъ. Я мечтала о той минутѣ, когда смогу разсказать тебѣ о моей любви. Мнѣ такъ было больно за тебя — ты вѣдь такой одинокій... Мнѣ такъ много хотѣлось разсказать тебѣ. Но теперь смотрю на тебя — и у меня нѣтъ словъ... Я слишкомъ сильно люблю тебя, Довидль, чтобы можно было высказать это словами.

Опять слились наши губы, и смѣшалось взволнованное дыханіе. Мы были счастливы тѣмъ безмѣрнымъ, великимъ счастьемъ, которое можетъ давать лишь первая любовъ. Начало свѣтать, и въ бездонныхъ глазахъ Миреле отражались предутреннія звѣзды, яркія и прекрасныя, отливавшія синевой. Вокругъ царила торжественная тишина. Весь

міръ прислушивался къ нашему любовному шопоту. Миреле обняла меня и сказала:

— Мнѣ теперь такъ хорошо, что страшно подумать, какъ буду жить безъ тебя. Вотъ мы стоимъ подъ небомъ, откуда смотритъ на насъ съ высоты Всемогущій Богъ, и я клянусь Его Именемъ въ моей вѣчной любви къ тебѣ...

Я вздрогнулъ отъ ужаса и не своимъ голосомъ вскрикнулъ:

— Миреле, Господь съ тобою! Развѣ можно клясться Его Именемъ? Это самый тяжкій грѣхъ, который только можетъ быть на землѣ...

— Я знаю, дорогой, но вѣрь мнѣ, я сдержу мою клятву...

Уже совсѣмъ разсвѣтало, когда Миреле пошла спать. По уличкѣ, громыхая пустыми бочками, ѣздили водовозы, громко зѣвали, отплевываясь, сторожа, возвращались изъ Дворянскаго Собранія запоздавшіе игроки. Мнѣ не хотѣлось спать, и я отправился въ лѣсъ, чтобы наединѣ опять пережить мою любовь. Подувалъ холодный вѣтерокъ. Утренняя роса отражала восходящее солнце, поблескивая въ темнотѣ кровавыми капель-

ками. Мѣсяцъ, блѣдный и прозрачный, единственный свидѣтель моего счастья, неотступно ходилъ за мною, какъ живая память о прожитой ночи.

Въ лѣсу влажныя, покрытыя росой вѣтви хлестали мнѣ въ лицо. Я шелъ впередъ съ глубокой радостью въ душѣ. Изо всѣхъ уголковъ, словно утренняя молитва лѣсныхъ обитателей, несся чарующій хоръ проснувшихся птицъ, животныхъ и деревьевъ, и бодро отдавались вдали мои шаги. На губахъ я чувствовалъ терпкую сладость поцѣлуевъ Миреле, всѣмъ своимъ существомъ продолжалъ ощущать наивную дѣтскую ласку ея теплыхъ мягкихъ ручекъ, ея горячее дыханіе. Я вспоминалъ наединѣ ея слова, интонацію голоса, всѣ ея едва замѣтныя движенія. Съ умиленіемъ думалъ я, что она теперь спитъ послѣ безсонной ночи, съ моими поцѣлуями на устахъ, разметавшись въ постели, и любовный восторгъ охватилъ меня. Хотѣлось подѣлиться моей радостью съ деревьями и кустами вокругъ. Я поднялся на холмикъ, откуда видна была окружающая мѣстность на далекомъ разстояніи, и крикнулъ въ пространство:

— Миреле!

Отдаленное эхо отвѣтило мнѣ звонко и радостно:

— ре-е-ле-е-е . . .

И снова стало тихо, а въ ушахъ звенѣла страшная клятва Миреле . . .

VII.

Наступили дни яснаго, безмятежнаго счастья. Весенніе дни солнца и любви. Земля покрылась сочной зеленью и цвѣтами, въ небесахъ рѣяли безконечныя стаи пѣвчихъ птицъ, а воздухъ былъ насыщенъ сладостными запахами весны и многоголосыми, чудесными звуками. И трепетала радость въ сердцахъ людей, обласканныхъ тихими вѣтрами и благоухающими ароматами земли, и возмечтали они о счастьѣ, о простомъ человѣческомъ счастьѣ, — о хлѣбѣ насущномъ и любви безпредѣльной . . .

И въ синагогу, сквозь разноцвѣтныя стеклышки полукруглыхъ оконъ, проглядывали солнечные лучи. Они ложились радужными коронами на выцвѣтшія, пожелтѣв-

шія страницы Талмуда, оживляли красками чудесную быль далекаго прошлаго, вдыхали жизнь въ милыя сказки и легенды избраннаго народа, согрѣвая своимъ тепломъ суровые законы его. Громко и весело звучалъ напѣвъ Талмуда подъ высокими, прохладными сводами древней синагоги, далеко вокругъ относился весенними вѣтрами чрезъ раскрытыя окна и торжественной благовѣстью плылъ по тихой уличкѣ призывъ къ любви и миру.

По вечерамъ на Синагогальной улицѣ появлялись еврейскія дѣвушки-невѣсты, гуляли, обнявшись, небольшими группами, тихо разговаривая о чемъ-то своемъ, дѣвичьетаинственномъ, чутко прислушиваясь къ звонкому напѣву юношей-ешиботниковъ. Въ темнотѣ поблескивали влажные отуманенные глаза дѣвушекъ и слегка вздрагивали въ шепоткѣ губы, сочныя, какъ спѣлыя вишни, созданныя для поцѣлуевъ. Онѣ тихо гуляли взадъ и впередъ по пустынной улицѣ, стыдливыя и покорныя, съ грѣшными желаніями въ душѣ и холодной недоступностью на челѣ, зажигали своимъ присутствіемъ воздухъ, опьяняли своей холодно-чувствен-

ной, дѣвственной еврейской красотой благочестивыхъ юношей Израиля . . .

И снова я почувствовалъ крѣпкую связь съ Богомъ и Его законами, какъ, бывало, до моей встрѣчи съ Миреле. Онъ, Тотъ Невидимый и Вездѣсущій, Кто читаетъ неясныя, сокровенныя мысли людей, выдѣлилъ насъ изъ цѣлаго міра и сблизилъ наши сердца, сковавъ тяжкими, но радостными цѣпями любви. Теперь эта связь съ Богомъ была еще крѣпче, одухотворенная ласками любимой дѣвушки. И снова мой голосъ звучалъ въ хорѣ голосовъ юношей-ешиботниковъ, изучавшихъ Святую Тору. Я вновь нашелъ смыслъ жизни. Улетучилась тоска. А ночи заполнялись крѣпкимъ сномъ и сладострастными грезами, такими яркими, волнующими, что, вставая по утрамъ, не хотѣлось разлучаться съ ними. И были дни, и были ночи... Было-ли все это на-яву? Да, было! И объятья, и поцѣлуи, и ласки, и слова, звучавшія, какъ ласка, и безсловесная ласка, болѣе выразительная, чѣмъ всѣ слова . . .

Любовь Миреле подняла меня въ собственныхъ глазахъ. Я усердно изучалъ древніе законы и легенды и въ короткое время

сдѣлался грдостью Рошъ-іешиве, мнѣ завидовали мои товарищи. Ежедневно я открывалъ въ себѣ новое, неизвѣданное чувство, новое познаніе жизни, а многія мѣста священныхъ книгъ, казавшіяся мнѣ до того неясными, туманными, неожиданно открыли предо мною свою таинственную суть.

Въ домѣ Миреле я впервые познакомился съ книгами свѣтскаго содержанія. Вначалѣ казалось грѣхомъ одно лишь прикосновеніе къ нимъ. Впослѣдствіи, отчасти изъ любопытства, а иногда по предложенію хозяина, человѣка всесторонне образованнаго, когда я ближе познакомился съ книгами, то ужъ не могъ оторваться отъ нихъ. Я изучилъ исторію евреевъ и другихъ народовъ, сравнивалъ ихъ, съ чувствомъ дикаря, попавшаго впервые въ новую культурную среду, инстинктивно доискивался первобытнымъ способомъ отвѣтовъ на давнымъ-давно рѣшенные вопросы. Постепенно я убѣдился, что помимо синагоги и Талмуда имѣется и другой міръ, другіе люди, другія воззрѣнія на жизнь, не менѣе интересныя, захватывающія. Я познакомился съ европейскими классиками, и моя душа, съ дѣтства отравленная

книгами, сразу почувствовала близость къ этимъ славнымъ «гоямъ», заставлявшимъ трепетать мое сердце, новымъ, неизвѣданнымъ волненіемъ, давшимъ мнѣ наслажденіе искусствомъ слова и образовъ. Мои познанія, правда, носили отчасти сумбурный характеръ. Не всегда поиски новой хорошей книги увѣнчались успѣхомъ, но здоровый пытливый умъ ешиботника, прошедшаго суровую школу, побѣждалъ всякую пищу. Кромѣ того Миреле, шутя, научила меня русскому языку. Въ тѣ времена это казалось однимъ изъ тягчайшихъ грѣховъ, но мнѣ было стыдно не знать того, что знаетъ Миреле и въ короткое время я успѣлъ превзойти ее въ наукахъ «гоевъ».

Вмѣстѣ съ расширеніемъ умственнаго кругозора, измѣнились мои отношенія къ людямъ.

Я впервые познакомился съ неевреями. Это были для меня люди съ другой планеты. Я, конечно, и раньше видѣлъ христіанъ, но тѣ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ моемъ быту, — прислуга или полицейскіе, на дѣлѣ убѣдили меня въ спра-

ведливомъ сужденіи Талмуда о древнихъ гояхъ — филистимлянахъ, амалакитянахъ, римлянахъ и грекахъ, — какъ о людяхъ жестокихъ, развратныхъ и безбожныхъ, къ которымъ я наивно причислялъ и всѣхъ окружавшихъ меня, незнакомыхъ христіанъ... Я присматривался къ христіанамъ, заходившимъ къ Гринбергу, въ большинствѣ случаевъ, — купцамъ и чиновникамъ и, наряду съ отрицательными сторонами, не могъ не видѣть и положительныя качества ихъ. Во всякомъ изъ нихъ мнѣ мерещился Пушкинъ, Гоголь или Тургеневъ, съ которыми я достаточно познакомился по ихъ книгамъ, я наивно ждалъ, что вотъ-вотъ, они заговорятъ со мною на миломъ образномъ языкѣ своихъ великихъ сородичей. Особенно хорошее впечатлѣніе произвели на меня дѣвушки христіанки, — подруги Миреле. Не смѣя взглянуть на нихъ, я все-же могъ убѣдиться, что по существу, онѣ мало чѣмъ отличаются отъ Миреле. Это сходство съ моей возлюбленной, ихъ близость къ ней, еще больше содѣйствовали моей симпатіи къ нимъ и въ корнѣ измѣнили мои прежнія понятія и взгляды на хри-

стіанское общество вокругъ — вѣрнѣе — взгляды древнихъ раввиновъ на языческое общество своего времени.

Все это вмѣстѣ оказало огромное вліяніе на меня. Я не растерялся, войдя въ міръ новыхъ идей и образовъ, не разбилъ старыхъ боговъ, а пытливо всматривался, доискивался сути, сравнивалъ и дополнялъ одну культуру другою. Богъ пересталъ быть для меня лишь грознымъ Судьей, карающимъ до седьмого поколѣнія за грѣхи предковъ, какимъ видѣли его древніе фанатики. Я преобразилъ его въ моемъ сердцѣ. Онъ сталъ для меня Другомъ и Покровителемъ въ минуты величайшихъ сомнѣній и нравственныхъ страданій.

Наединѣ, тайно отъ другихъ, мнѣ приходилось вести сложную борьбу съ самимъ собою, съ укоренившимися во мнѣ убѣжденіями, самостоятельно отыскивать въ дебряхъ религіознаго фанатизма широкій путь общечеловѣческой мысли. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо было всячески скрывать этотъ процессъ отъ постороннихъ, чтобы не навлечь на себя подозрѣніе въ ереси. Если-бы это случилось, пришлось бы навсегда

бросить мечту о раввинскомъ дипломѣ. А именно, теперь, когда окружающій міръ и жизнь стали для меня открытой книгой, было трудно отказаться отъ духовнаго вліянія на родной народъ. Я сталъ больше слѣдить за собою, старался одѣваться чище и не только духовно, но и внѣшне пересталъ походить на моихъ товарищей, — ешиботниковъ, униженныхъ вѣчной зависимостью отъ людей. Мое ученье значительно продвинулось впередъ. Каждый день замѣтно приближалъ меня къ цѣли. Окружающіе ужъ видѣли во мнѣ будущаго раввина и относились съ подобающимъ уваженіемъ, несмотря на мой юношескій возрастъ.

Между тѣмъ стали навѣдываться ко мнѣ сваты и свахи. Въ городѣ было много евреевъ, мечтавшихъ купить себѣ мѣстечко въ раю, выдавъ дочь за раввина. Сумма приданаго достигала иногда фантастическихъ размѣровъ . . . Но меня это мало трогало. Я оставался вѣренъ всей душой единственной мечтѣ моей — Миреле . . .

Миреле ухаживала за мною, какъ нѣжная молодая мать за новорожденнымъ. Она окружила меня своими заботами. Мои успѣхи, въ чемъ бы они не заключались, давали

ей поводъ для торжества; она постоянно восхищалась мною. Она искусно, съ женственной практичностью, пользовалась каждой минутой, когда мы оставались наединѣ, чтобы превратить ее въ любовное свиданіе. Она не знала осторожности. Любовь была у ней въ крови. Даже въ присутствіи родныхъ, она не умѣла сдерживать своихъ порывовъ. По тому, какъ горѣло ея лицо, какъ лихорадочно блестѣли ея глаза, легко можно было догадаться, что она не равнодушна ко мнѣ. Однажды ея мать, простая еврейка, женщина безъ хитростей, инстинктивно почувствовавъ перемѣну въ дочери, сказала своему мужу:

— Съ тѣхъ поръ, какъ юноша живетъ у насъ въ домѣ, Миреле совсѣмъ измѣнилась . . .

Въ свободное время мы вмѣстѣ читали стихи, романы. Обычно мы прятались въ дальній уголокъ садика за домомъ, въ густой зелени, гдѣ никто не могъ намъ помѣшать. Было хорошо видѣть надъ собой голубой куполъ и прислушиваться, какъ созрѣваетъ Божій даръ — сливы, вишни и яблоки. Пряно-терпкіе запахи кружили голову, пьянили, какъ крѣпкое вино. Вдалекѣ глухо

тонули звуки, восторженно стрекотали, прыгая съ мѣста на мѣсто, сверчки, вели дивный хороводъ пестрые бабочки и жучки, да призывно кликала подружку бѣлая чайка, купаясь въ сизыхъ облакахъ...

Въ моихъ занятіяхъ, въ моей постоянной умственной работѣ, всѣ мои мысли были поглощены Миреле. Самой важной, преобладающей моей думой, была Миреле. Все, что дѣлалъ, всѣ мои стремленія, — были для нея и ради нея. Она была для меня тѣмъ, что солнце — для цвѣтка. Ея любовь согрѣвала мою одинокую душу, будила дремлющія силы и, въ то же время, служила мнѣ отдыхомъ, мечтой, къ которой я постоянно возвращался изнуренный и обезсиленный непрерывной умственной работой...

VIII.

Однажды отецъ Миреле предложилъ мнѣ заниматься съ дочерью по еврейскимъ предметамъ. Я съ радостью согласился. Миреле, построившая эту комбинацію исподволь, была на седьмомъ небѣ. Совмѣстныя занятія еще тѣснѣе сблизили насъ, скрѣпили нашу дружбу, нашу любовь. Новыя

отношенія учителя къ ученицѣ внесли особую прелесть въ эти часы. Серьезное, инстинктивное стремленіе къ знанію, переплеталось въ Миреле съ женскимъ кокетствомъ, съ дѣтской наивной хитростью. Бывало, она входитъ ко мнѣ въ комнату, съ огромнымъ Пятикнижіемъ подъ мышкой, еще больше оттѣнявшимъ хрупкую, нѣжную фигурку ея и, съ притворной важностью, открываетъ нужную страницу:

— Итакъ, рабби, мы вчера остановились на главѣ Второзаконія о прощеніи.

Начинается урокъ. Я объясняю, она слушаетъ. Слушаетъ долго, внимательно, восторженно заглядываетъ мнѣ въ ротъ. Мнѣ съ нею легко. Вѣдь такъ пріятно высказывать вслухъ собственныя мысли объ исторіи и законахъ родного народа любимой дѣвушкѣ.

Наклонившись надъ книгой, Миреле читаетъ, слегка покачиваясь, водя пальчикомъ по строкѣ:

«Въ концѣ седьмого года, устраивай прощеніе своимъ должникамъ. Всякій заимодавецъ долженъ простить должнику свой заемъ, въ концѣ седьмицы, во имя Господа...»

Я объясняю Миреле великій смыслъ, вложенный въ этихъ сухихъ, слишкомъ рѣзкихъ для поэтическаго возвышеннаго слога Библіи словахъ. Я восторгаюсь, я горжусь милосердіемъ, которымъ проникнуты законы евреевъ и теплое чувство подступаетъ къ сердцу, когда читаю дальше наивно-откровенную угрозу Законодателя:

«Но берегись! Да не коснется сердца твоего преступная мысль: вотъ, приближается Седьмица — годъ Прощенія, и глазъ твой отвернется отъ нищаго брата твоего и ты откажешь ему въ милостыни и не удовлетворишь его просьбы. И возвопіетъ нищій братъ твой передъ Господомъ: и будетъ на тебѣ несмываемый грѣхъ...»

Эти наивныя, простыя слова Второзаконія о заимодавцахъ и должникахъ, объ отпускѣ рабовъ и рабынь, о десятинѣ въ пользу бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ и вѣчный припѣвъ ко всякой главѣ — «только крови не ѣшь, а выливай ее на землю, какъ воду», — такъ волнуютъ и выпукло рисуютъ пеструю соціальную жизнь древней Іудеи, захватываютъ основной заботой о неимущихъ, лучше всего разсказываютъ о великой человѣ-

колюбивой душѣ Законодателя. И такъ легко, такъ пріятно рисовать на тепломъ фонѣ этихъ законовъ древнюю исторію родного народа, такую яркую, красочную, многогранную, проникнутую единымъ извѣчнымъ божественнымъ символомъ:

«Возлюби ближняго, какъ самого себя».

Я увлекаюсь темой. Я забываю весь міръ. Предъ глазами мелькаютъ милые образы, встаетъ древній бытъ далекой, сказочной родной страны. Миреле ловитъ каждое мое слово. На живомъ подвижномъ лицѣ, во влажныхъ, устремленныхъ на меня глазахъ ея, читаю отраженіе моихъ мыслей, каждаго моего звука. Ея вниманіе настраиваетъ меня на особый ладъ, окрыляетъ меня, вдохновляетъ меня.

И неожиданно Миреле обращается ко мнѣ:

— Пожалуйста, Довидль, будь со мною строгъ, какъ настоящій рабби, а то я тебя совсѣмъ не боюсь . . .

— Такое заявленіе обычно сбиваетъ меня съ толку, я не знаю, что ей отвѣтить. А она сидитъ противъ меня, уткнувшись подбородкомъ въ Пятикнижіе, остановивъ

тоненькій указательный пальчикъ на строкѣ, словно боясь, чтобы она не убѣжала изъ книги и, поднявъ на меня синіе глаза съ плутовскими огоньками, самымъ серьезнымъ образомъ повторяетъ:

— Ну да! Какой-же ты рабби, если я тебя не боюсь?..

— Но, вѣдь, тебѣ незачѣмъ бояться меня, Миреле...

— А если начну шалить на урокѣ?..

— Не будешь...

— А вотъ, буду, буду, буду...

И бросается мнѣ на шею, обнимаетъ меня, крѣпко прижимается къ моей груди, такъ ласково, тепло... Я цѣлую ея глаза, волосы, лицо, губы, мы оба надолго забываемъ раскрытую книгу на столѣ...

А то бывало такъ:

Среди занятій, когда я весь поглощенъ объясненіемъ интереснаго закона объ отдачѣ десятой части доходовъ бѣднымъ, Миреле, вдругъ, говоритъ:

— Пожалуйста, рабби, не смотри на меня т а к ъ...

Смущенный неожиданнымъ обвиненіемъ, я отвѣчаю:

— Очень мнѣ нужно смотрѣть на тебя...

— А, такъ ты такой . . .

... и бросается ко мнѣ, усаживается на мои колѣни, прячетъ мое лицо на своей груди, осыпаетъ меня восторженными поцѣлуями. Очарованный неожиданной лаской, безвольно прислушиваюсь къ ея дыханію, пью терпкіе поцѣлуи изъ маленькихъ упругихъ губъ, вздрагивая, замирая, ощущаю влажный холодокъ ея зубовъ, маленькихъ и ровныхъ, сверкающихъ, какъ снѣгъ въ голубую ночь...

Но за то по субботамъ, послѣ обѣда, когда урокъ происходилъ въ присутствіи ея родителей и носилъ характеръ еженедѣльнаго экзамена, Миреле старалась во всю. Она чинно сидѣла за столомъ, уткнувъ по привычкѣ подбородокъ въ высокую книгу и, подражая ешиботникамъ, слегка покачивалась туловищемъ, читая нараспѣвъ Библію, вызывая своими знаніями искренній восторгъ окружающихъ. Какъ она умудрялась среди шалостей пріобрѣтать знанія, я никакъ не могъ понять. Всегда во время этихъ экзаменовъ я очень трусилъ, ожидалъ неминуемый провалъ моей ученицы. Но,

вмѣсто провала и конфуза, Миреле постоянно выходила побѣдительницей, неизмѣнно доставляла радость роднымъ и мнѣ, ея скромному учителю . . .

Родители Миреле, повидимому, замѣчали наши отношенія, но ничего не предпринимали противъ нихъ. Напротивъ, часто, въ разговорахъ, проглядывали ихъ мысли о нашемъ общемъ будущемъ. Миреле была единственная дочь и родные слишкомъ любили ее, чтобы помѣшать ея счастью. Они не дѣлали помѣхъ нашему сближенію и лишь дожидались подходящаго случая, чтобы объявить нашу помолвку.

Такъ незамѣтно пробѣжало лѣто. Наступила осень. Появились безконечные дожди, покрывшіе жидкой, непролазной грязью городокъ. Небо было заволочено свинцовыми тучами, а вѣтеръ сѣялъ по улицамъ сухіе листья, грустно шуршавшіе подъ ногами, напоминавшіе отдаленный похоронный мотивъ. Въ саду, за ночь, земля была усѣяна опавшими яблоками, вишнями и сливами, и причудливо выглядѣли въ рѣдкій солнечный день багряно-желтыя кружева деревьевъ.

Наступили печальные десять дней Покаянія. По утрамъ въ синагогахъ тоскливо гудѣлъ «шойфоръ», призывая евреевъ къ молитвѣ и покаянію. Настало время дать отчетъ Господу, стать предъ Нимъ въ Судный День, когда, не только люди, но рыба дрожитъ въ водѣ, отъ страха передъ Судомъ Всевышняго... Молились евреи, постились, каялись въ грѣхахъ своихъ. Въ канунъ Суднаго Дня городокъ огласился отчаяннымъ воплемъ куръ и пѣтуховъ, невинно отдававшихъ свои птичьи жизни подъ острый ножъ рѣзника, искупляя грѣхи евреевъ... А когда прошелъ страшный Судный День, евреи снова свободно вздохнули и стали готовиться къ веселому празднику Кущей. Встрѣчать радостный праздникъ вышло и солнце. Съ умилительной, ласковой грустью догорали послѣдніе лучи, прокрадывались сквозь густыя вѣтви въ зеленыя кущи, золотили теплымъ пурпуромъ позднюю зелень...

Во вторые дни Кущей состоялась моя помолвка съ Миреле. Днемъ я говорилъ проповѣдь въ синагогѣ, вспоминалъ весеннія грезы въ лѣсу. Когда возвратились домой, Миреле, въ присутствіи родителей, восторжен-

но цѣловала меня, сходила съ ума отъ радости. Старики шутливо стыдили ее, но любовно смотрѣли на насъ, вѣрили, что мы будемъ счастливы вдвоемъ. Вечеромъ были приглашены гости, всѣ знатные евреи городка, раввинъ и рошъ-іешиве, пили вино, ѣли пряники и били тарелки, восклицая: — «Мазель-товъ» — въ добрый часъ!..

Отнынѣ нашей радости не было границъ. Намъ не нужно было скрывать нашу любовь предъ людьми. Мы чувствовали еще болѣе тѣсную близость другъ къ другу, а наши поцѣлуи перестали быть грѣшными. По вечерамъ, наединѣ въ полутемной комнатѣ, мы любовно шептались, грезили, строили фантастическіе планы, мечтали вслухъ. Иногда мы надолго застывали въ объятіяхъ и все труднѣе, больнѣе было разставаться... Это было большое искушеніе для насъ. Возбужденные близостью, утомленные любовными ласками и поцѣлуями, мы, хоть никогда не говорили объ этомъ, но знали, чутьемъ угадывали, что существуетъ еще болѣе тѣсная близость, грѣшная, о которой стыдно было говорить или даже думать, но инстинктивно хотѣли ее, въ опьяненіи тяну-

лись къ ней... Мы съ нетерпѣніемъ ждали обрученія, но зимніе дни ползли ужасно медленно, казались безконечно-долгими, а ночныя ласки, невинныя и жгучія, туманили сознаніе, зажигали кровь непоборимымъ желаніемъ...

IX.

Это было въ канунъ Новаго Года. Я сидѣлъ за Талмудомъ и глубоко задумался надъ труднымъ отвлеченнымъ вопросомъ. Въ комнатѣ было полутемно и тихо. За окномъ свѣтлѣлъ изсиня-голубой снѣгъ и, какъ перья, рѣяли въ воздухѣ крупныя снѣжинки, мягко облѣпляя улицу, деревья и крыши домовъ. Изъ отдаленной комнаты доносился звонкій хохотъ Миреле и ея подругъ, пришедшихъ звать ее на Новогодній балъ, изрѣдка хлопали вдали дверьми, или весело-торопливо прозвенятъ колокольцы промчавшихся саней. Было тепло, уютно и плавно текли мысли, постепенно выясняя непонятное. Неожиданно, на цыпочкахъ, въ комнату вошла Миреле, обѣими руками схватила сзади мою голову, прикрыла мнѣ

глаза тоненькими мягкими пальчиками и, шаловливо измѣнивъ голосъ, спросила:

— Угадай, кто?..

— Это ты, Миреле...

Она ласково прижалась щекой къ моему лицу и капризно заворчала мнѣ надъ ухомъ:

— Какой ты нехорошій, Довидль... Твоя невѣста собирается на балъ, а ты даже не хочешь взглянуть на меня, передъ моимъ уходомъ. Сидишь одинъ въ темнотѣ и обо мнѣ совсѣмъ не думаешь...

— Я всегда думаю о тебѣ, Миреле... Ты вѣдь, знаешь, я долженъ учить...

— «Я долженъ учить», — передразнила она меня,—для тебя, видно, Талмудъ дороже меня... Я все время ждала тебя. Что теперь скажутъ подруги, если мой женихъ даже не хочетъ посмотрѣть на меня, передъ уходомъ на балъ...

Миреле была одѣта вся въ бѣлое. На ней было шелковое платье съ небольшимъ вырѣзомъ вокругъ шеи, жемчужное ожерелье, отливавшее всѣми цвѣтами радуги, бѣлый бархатный поясъ, собранный сзади широкими крыльями, бѣлыя туфельки и даже воло-

сы ея были увиты бѣлой лентой. Но всего бѣлѣе были обнаженныя шея и руки, словно выточенныя изъ снѣжнаго мрамора. Въ темнотѣ комнаты она казалась бѣлымъ ангеломъ, прилетѣвшимъ изъ занесенной снѣгомъ бѣлой улицы. Синіе глаза ея влажно сверкали, излучаясь трепетными огоньками, и возбужденно горѣли ея щеки и губы, слегка раскрытыя и алыя, похожія на свернутые лепестки созрѣвшей розы. Отъ нея исходилъ одурманивающій, сладкій запахъ жасмина и при каждомъ движеніи трепетно извивались подъ платьемъ юные, дѣвственно округленные члены ея тѣла, такіе открыто-сладострастные и невинные, жившіе обособленной собственной жизнью и страстями...

Я посадилъ къ себѣ на колѣни Миреле и молча любовался ею. Моя Миреле! Она была слишкомъ прекрасна. Я впервые испугался ея красоты. Вблизи она была еще обаятельнѣй, прелестнѣй, казалась хрупкимъ драгоцѣннымъ сосудомъ, наполненнымъ опьяняющимъ виномъ...

Миреле хохотала, разсказывала что-то очень смѣшное, и звонкій голосокъ звучалъ въ тихой комнатѣ какъ дивная музы-

ка. Своими тоненькими пальчиками она ласкала мою голову, мое лицо, тепло касалась моихъ закрытыхъ въ сладостной истомѣ глазъ. Я въ полуснѣ прислушивался къ ея ласкамъ, вдыхалъ нѣжный ароматъ ея тѣла, ощущалъ какъ ткется жемчужная, шелковая паутинка грезъ и томный, утомленный, зачарованный, отдался мечтамъ...

Неожиданно, что-то шепнуло во мнѣ:

«Ты недостоинъ такого счастья. Миреле не можетъ быть твоей...»

Холодъ вошелъ въ душу. Меня охватила дрожь. Зловѣщее предчувствіе сковало мои члены и безвольно опустились руки, державшія Миреле.

Но Миреле ничего не замѣчала. Она все также была возбуждена предстоящимъ весельемъ на балу. Она по своему поняла мое настроеніе и, капризно стянувъ губки, представляясь разсерженной, поднялась съ моихъ колѣней:

— Ну, вотъ... Я пришла къ тебѣ приласкаться, а ты даже не находишь нужнымъ поцѣловать меня... Что жъ, я, должно быть, надоѣла тебѣ... Ладно, оставайся здѣсь съ

твоимъ Талмудомъ, если онъ тебѣ дороже меня...

Мнѣ вдругъ, очень живо представилась Миреле на балу, въ кругу христіанской молодежи, танцующая съ чужими мужчинами. Я въ ужасѣ подумалъ, что чужіе мужчины — «гои» будутъ смотрѣть на нее, любоваться ею, обнимать, быть можетъ, цѣловать... Кровь бросилась въ голову и мягкими молоточками быстро-быстро застучала въ вискахъ. Откуда-то вынырнуло незнакомое до сихъ поръ чуство ревности. Сухой комъ сдавилъ горло. Я вскрикнулъ сдавленнымъ охрипшимъ голосомъ:

— Миреле, не ходи туда, къ «гоямъ», у меня тяжелое предчувствіе. Оставайся лучше дома, Миреле...

Но Миреле въ отвѣтъ разразилась хохотомъ. Она бросилась мнѣ на шею, крѣпко обняла и закружилась со мной по комнатѣ:

— Ха-ха-ха... Наконецъ-то, Довидль, ты ревнуешь ко мнѣ. А что, не будешь больше сидѣть надъ Талмудомъ, когда твоя невѣста одѣвается на балъ?.. Теперь боишься отпустить меня... Ахъ, ты милый мой, ха-ха-ха!. Невѣста не Талмудъ, а, Довидль?.. Не бу-

дешь больше равнодушнымъ ко мнѣ?.. Славный мой, хорошій мой Довидль...

Она кружила меня по комнатѣ, душила меня въ объятіяхъ и, задыхаясь отъ хохота, осыпала меня поцѣлуями и нѣжными именами. Ей видимо доставляло большое удовольствіе сознаніе, что я ее ревную. Я совсѣмъ растерялся и ужъ не зналъ, какъ мнѣ поступить; сердиться-ли на нее, или хохотать вмѣстѣ съ нею. Всѣ мои чувства и мысли смѣшались, перепутались и на одинъ мигъ заглушилась тревога. Я хотѣлъ что-то сказать, но Миреле не дала мнѣ закончить фразу, прикрыла своей маленькой ладонью мой ротъ и ласково утѣшала меня:

— Не безпокойся, дорогой, я буду танцовать только съ подругами. Жди меня, я потомъ все разскажу тебѣ...

И выбѣжала изъ комнаты.

Я остался одинъ въ темнотѣ съ черными мыслями въ головѣ. Въ комнатѣ стоялъ сладкій запахъ жасмина, я продолжалъ ощущать на лицѣ горячее дыханіе Миреле, ея поцѣлуи, но ея ужъ не было. Я на нѣсколько минутъ приникъ горячей головой къ холодному стеклу окна. Все также плыла си-

няя ночь и бѣлый пухъ лѣниво рѣялъ въ воздухѣ, мягко стлался по бѣлой улицѣ. Вдалекѣ за окномъ отдавались чьи-то грузные шаги и грустно скрипѣлъ подъ ногами невидимаго прохожаго чуть примерзлый, свѣжій снѣгъ. Чудилось, что кто-то большой и черный, топчетъ большими грязными сапогами нѣжный, блестящій голубыми искорками снѣгъ и больно щемило сердце отъ жалости... Мнѣ вспомнилась Миреле и снова гнетущая тревога охватила меня. На одинъ мигъ промелькнула мысль, что пока еще не поздно, можно спасти ее отъ неизвѣстной опасности. Я опрометью выбѣжалъ на улицу, надѣясь догнать ее. Но Миреле ужъ не было. Улица была до того тиха и пустынна, что явственно слышно было, какъ падаетъ на землю хрупкій снѣгъ. Я долго стоялъ у крыльца, вздрагивая на морозѣ отъ тревоги и возбужденія. Мнѣ живо припомнилось давнее ощущеніе, когда приходилъ къ этому крыльцу по ночамъ и одиноко бродилъ вокругъ дома, мечтая о Миреле... Что-то оборвалось въ груди и нестерпимо заныло, словно внутри меня сломался какой-то важный органъ. Хотѣлось кричать о помо-

щи, выкричать душившую меня тоску. Но вокругъ все также было тихо и пустынно. Въ небольшомъ садикѣ передъ крыльцомъ, деревья, придавленныя снѣгомъ, безпомощно опустили грузныя вѣтви, застывъ въ нѣмомъ ожиданіи, вмѣстѣ со мною смотрѣли съ трепетной надеждой въ сторону, куда ушла Миреле. Мнѣ вдругъ неудержимо захотѣлось видѣть ее, убѣдиться, что она не сонъ, не греза, вспуганно улетѣвшая на разсвѣтѣ... Но вмѣсто Миреле, изъ безформенныхъ свинцовыхъ тучъ важно выплыла луна и засмѣялась мнѣ въ лицо...

Я, какъ побитый песъ, поплелся въ домъ...

X.

Было далеко за полночь. Всѣ въ домѣ ужъ давно спали, но Миреле все еще не приходила. Въ моей комнатѣ однотонно тикали часы и, изрѣдка, хрипло отзванивали время. За окномъ все также сыпалъ густой хрупкій снѣгъ и жалобно стоналъ вѣтеръ.

Въ каминѣ медленно догорали дрова. Ярко-золотой огонь постепенно темнѣлъ, покрывался свѣтло-сѣрымъ пепломъ и за-

мѣтно опускался все ниже и ниже, поблескивая искрами падающихъ полѣнъ. Становилось холоднѣе. Изъ дальней комнаты доносился мѣрный, спокойный храпъ людей, наслаждавшихся вкуснымъ сномъ, да, изрѣдка, кто-то что-то забормоталъ во снѣ и, какъ большая синяя птица, плыла тихая, безконечная ночь.

Я все ждалъ Миреле. Порою съ улицы раздавался приближающійся и отдаляющійся перезвонъ колокольцевъ, одиноко скрипѣли чьи-то четкіе, быстрые шаги по мерзлому снѣгу, мчались, взвизгивая и поскрипывая полозьями, вереницы обозовъ изъ пригородныхъ деревень на базаръ, но Миреле все еще не было. Вдали ужъ перекликались пѣтухи, протяжно и жалобно выли собаки и, все чаще и чаще, побрякивали ведра на коромыслахъ.

Подъ поломъ таинственно скребла мышь и жестко царапали слухъ подпольные шорохи. Страшно хотѣлось прилечь, вычеркнуть эту долгую синюю ночь изъ памяти, чтобы снова проснуться, какъ всегда, съ радостной мыслью о Миреле. Но тревога за нее не давала мнѣ покоя. Казался кощунственнымъ,

непонятнымъ, этотъ мѣрный спокойный храпъ ея родителей, спавшихъ въ невѣдѣніи, что Миреле еще не вернулась. Предчувствіе чего-то страшнаго, непостижимаго, все больше и больше сковывало меня...

Неожиданно послышались торопливые шаги за окномъ и вслѣдъ за тѣмъ раздался легкій стукъ въ дверяхъ. Я бросился къ выходу. Предо мною стояла Миреле, моя Миреле, но не та, которую я зналъ всегда. Лицо ея было мертвенно-блѣдное, какъ послѣ тяжелой болѣзни. Подъ глазами синѣли глубокіе круги, на щекахъ замѣтны были слѣды слезъ. Черные, всегда гладко зачесанные волосы торчали въ безпорядкѣ и вся она, за одну лишь эту ночь, похудѣла и съежилась до неузнаваемости. Жалкій видъ Миреле ошеломилъ меня. Я въ ужасѣ вскрикнулъ:

— Что съ тобою случилось, Миреле?...

Она угрюмо улыбнулась, провела слегка холодной рукой по моему лицу и, опустивъ глаза, сказала слабымъ голосомъ:

— Ничего, Довидль... Я очень устала, мнѣ надо отдохнуть... Иди спать, дорогой...

И ушла въ свою комнату, не поцѣловавъ меня, какъ всегда, бывало, дѣлала...

Я ушелъ къ себѣ и, не раздѣваясь, бросился въ постель. Предо мною стояли двѣ Миреле: одна — ушедшая на балъ, другая— вернувшаяся оттуда. Отъ этого сравненія еще сильнѣе выдѣлялись контрасты, чувствовалась страшная тайна и до боли сверлила сознаніе одна единственная мысль:

— Что-то случилось съ Миреле... Но что?..

Изъ дальней комнаты Миреле послышалось тихое, сдавленное рыданіе. Я нѣкоторое время прислушивался съ недовѣріемъ, мнѣ все это казалось страшнымъ сномъ, галлюцинаціей. Я поспѣшилъ къ Миреле и нашелъ ее въ постели. Она лежала грудью внизъ, прикусивъ зубами подушку, что-бы заглушить рыданіе, вздрагивая подъ одѣяломъ. Вблизи на стулѣ свѣтлѣло ея бальное платье и, какъ перья, бѣлѣли на коврикѣ у кровати искалѣченные лепестки бѣлой розы, раздробленной острымъ каблучкомъ... Увидѣвъ меня, Миреле прикрыла обѣими руками лицо, всхлипывая, вздрагивая всѣмъ хрупкимъ тѣломъ отъ сдерживаемыхъ рыданій. Я присѣлъ къ ней на кровати и старался успоко-

ить ее, говорилъ ей нѣжныя, любовныя слова, ласкалъ ее... Ея сдавленное, неудержимое рыданіе лучше всякихъ словъ говорило мнѣ, что съ Миреле случилось нѣчто страшное, потрясающее, о чемъ я боялся думать...

Крупныя слезинки катились по лицу Миреле, догоняя другъ дружку. Слезы Миреле больно угнетали меня. Въ голубомъ разсвѣтѣ ея нѣжная, тоненькая фигурка казалась такой безпомощной и милой, возбуждала безотчетную жалость къ себѣ. Я наклонился къ ней и прижался губами къ ея заплаканному личику, поцѣлуями сушилъ ея глаза. Съ одной стороны плеча соскользнуло одѣяло и въ сумракѣ тепло манила къ себѣ живая полоска ея обнаженнаго тѣла, возлѣ кружева рубашки. Я сдѣлалъ движеніе укрыть ее. Миреле тревожно вздрогнула и на короткое время задержала мою руку въ своей. Ея горячіе пальчики обожгли меня. Электрическій токъ прошелъ по всему тѣлу. Меня охватилъ лихорадочный ознобъ. Я приподнялъ край одѣяла, обнаживъ въ тѣни бѣлыхъ кружевъ грушевидную, дѣвичью грудь, горя-

чую и нѣжно-округленную, съ жалобно торчащимъ кверху, жаждущимъ поцѣлуевъ, блѣднорозовымъ соскомъ...

Миреле перестала плакать и вся насторожилась... Влажными, отуманенными глазами она молча слѣдила за моими движеніями. Ея нагрѣтое въ постели тѣло жгло мнѣ руки, въ вискахъ мягко и тепло безпрестанно стучали молоточки. Я ужъ ничего не видѣлъ и не соображалъ, кромѣ безмолвно слѣдившихъ за мною насторожившихся синихъ глазъ Миреле. Въ ея взглядѣ было что-то звѣриное и прекрасное. Жгучая, пассивно выжидающая страсть самки и невинность ребенка сочетались во всѣхъ ея робкихъ движеніяхъ, въ лихорадочномъ блескѣ глазъ, въ порывисто раздувавшихся ноздряхъ, въ сладострастномъ изгибѣ тѣла и въ кроткой, дѣтской полуулыбкѣ... Поощренный сочувственно выжидательнымъ взглядомъ, я приподнялъ выше край одѣяла... Миреле не сопротивлялась. Вся комната закружилась предо мною и приняла хаотическій видъ. На одно мгновеніе меня поразилъ отрывокъ какой-то странной мысли. Я встрѣтился съ зовущимъ, застыв-

шимъ взглядомъ Миреле и совсѣмъ отбросилъ одѣяло въ сторону... Миреле слегка вздрогнула, незамѣтно съежилась и быстрѣе задышала, пьяная, покорная и безмолвная, прекрасная въ своей наготѣ... Она была первая женщина, явившаяся мнѣ во всей ея обнаженной красотѣ и соблазнѣ... Во снѣ, по ночамъ, она часто являлась мнѣ нагой, но та нагота была безформенная, неживая и туманная, и лишь инстинктомъ мужчины я догадывался о ея прелести. Но ничего подобнаго я не могъ себѣ представить. Ея нагое, бѣлоснѣжное тѣло, обрамленное до бедеръ черными, распущенными волосами, звало къ себѣ въ трепетномъ безмолвіи страсти, манило и опьяняло... Въ блѣдномъ разсвѣтѣ отчетливо выступали волнообразные изгибы сладострастныхъ членовъ такой полной, совершенной женственной красотой, что я терялъ сознаніе, глядя на Миреле...

И тутъ-же, промелькнула неясная мысль, что это прекрасное тѣло моей возлюбленной, моей невѣсты, видѣлъ, ласкалъ и цѣловалъ кто-то другой. Эта мысль, вначалѣ безформенная и неясная, разросталась, застлала мои глаза кровавой пеленой.

Страсть и месть обуяли меня. Я мелькомъ увидѣлъ небольшое пятно крови на ея рубашкѣ, откуда-то изъ глубины моего тѣла вынырнуло что-то дикое и злое, звѣриное, и толкнуло меня въ раскрытыя, жаждущія объятія Миреле...

. . . .

Когда я очнулся въ объятіяхъ Миреле и сообразилъ, что произошло, предо мною раскрылась черная бездонная пропасть. Мнѣ живо вспомнился свѣжій слѣдъ крови на ея рубашкѣ, ея стыдливый жестъ скрыть его отъ меня и еще нѣчто, неуловимое, слѣдовавшее за тѣмъ, еще больше убѣдившее меня, что незадолго до того она находилась въ объятіяхъ другого мужчины... На одно мгновеніе все это показалось мнѣ кошмарнымъ сномъ. Я не хотѣлъ вѣрить въ дѣйствительность... Но Миреле лежала въ постели такая-же обнаженная и горячая, слабая и томная, съ раздувающимися ноздрями и влажными глазами... Она все еще продолжала тянуться ко мнѣ, безпомощная и покорная, женственно, по дѣтски-мило, виновато улыбалась въ любовномъ порывѣ, словно извиняясь за происшедшее... Я вдругъ отрез-

вился, опомнился, тоскливое отчаяніе охватило меня. Страстно захотѣлось, чтобы Миреле разубѣдила меня, опровергла мои догадки... Я закричалъ въ ужасѣ:

— Дорогая Миреле, разскажи, что съ тобою случилось?..

Миреле прикрыла глаза, испугавшись моего голоса, на секунду задумалась. Затѣмъ, прерывающимся шепотомъ, словно во снѣ, заговорила:

— ...Я и сама не знаю... На балу танцовали и веселились... Я отказывалась танцовать съ мужчинами... Ихъ было тамъ много... Я все время была съ подругами... Потомъ пили шампанское... меня напоили... Голова стала у меня тяжелая... и одинъ офицеръ съ черными усами, все не отставалъ отъ меня... Мнѣ было очень страшно, я хотѣла домой... Офицеръ съ черными усами вызвался проводить меня... Потомъ... не знаю.. Долго ѣхали на саняхъ... Я ничего не соображала, плакала и боялась... Онъ говорилъ, что везетъ меня домой.. и.. на рукахъ внесъ въ незнакомую комнату. У меня кружилась голова отъ страху, я не помню, что онъ со мной сдѣлалъ... Не помню,

какъ попала домой... Такъ страшно было... больно и... гадко... Довидль, неужели ты меня разлюбишь за это?!...

Эти послѣднія слова вырвались у нея сдавленнымъ крикомъ. Она умоляюще смотрѣла на меня, все еще пьяными, любовными глазами. Мнѣ вдругъ показалось ложью все, что она разсказала мнѣ... Я продолжалъ еще ощущать ея страстныя объятья и горячія лобзанья, казавшіяся мнѣ теперь продолженіемъ того, что было съ нею тамъ, въ незнакомой комнатѣ, у офицера съ черными усами... Откуда-то изъ глубины моего существа вынырнула острая жгучая ревность, темная смѣсь любви и ненависти... Мои глаза встрѣтились съ покорнымъ,выжидающимъ взглядомъ Миреле. Она потянула къ себѣ мою руку и прикоснулась къ ней губами... Я брезгливо отдернулъ руку и, не глядя на Миреле, выбѣжалъ изъ комнаты...

XI.

На людяхъ ничего не измѣнилось. Я продолжалъ быть женихомъ Миреле, а она моей невѣстой. Обращали вниманіе на нашъ

болѣзненный видъ, но приписывали это нашему нетерпѣнію и всячески утѣшали, что близится день, назначенный для нашего обрученія. Одна изъ тетокъ Миреле, обычно говорила:

— Когда я была помолвлена за моимъ Мойше-Хаимомъ, чтобы онъ мнѣ былъ живъ и здоровъ, то также съ ума сходила въ ожиданіи свадьбы... Пхе... Извѣстное дѣло, со всѣми молодыми такъ бываетъ...

Я еще больше прежняго любилъ Миреле. Она стала красивѣе, обаятельнѣй... Въ ней прибавилось нѣчто большое и серьезное, совсѣмъ нельзя было узнать прежнюю Миреле, милую дѣвушку-полуребенка, съ ясными дѣтскими глазами и невинной улыбкой на устахъ. Ужъ не раздавался больше ея звонкій молодой смѣхъ. Печаль легла на челѣ и оттого она казалась еще загадочнѣй, прекраснѣй, какъ зачарованная... Она стала избѣгать людей, надолго запиралась въ своей комнатѣ и лежала съ открытыми глазами, думая свои тяжкія думы.

Иногда она приходила ко мнѣ, гдѣ я занимался изученіемъ Талмуда. Она молча садилась у камина, кутаясь въ шерстяную шаль

и застывшимъ взглядомъ смотрѣла въ огонь. Я читалъ нараспѣвъ Талмудъ и слезы душили меня, а голосъ мой постепенно сбивался съ мотива, хрипѣлъ и срывался. Страницы Талмуда покрывались стекляннымъ туманомъ, а напѣвъ всегда переходилъ въ рыданіе. Тогда наступала очередь Миреле утѣшать меня. Она ласкала меня, цѣловала, говорила нѣжныя слова и, чувствуя мои муки, мою тоску, плакала вмѣстѣ со мною. Несмотря на любовь и вниманіе къ намъ окружающихъ, мы были безпомощно-одиноки, словно заблудившіеся въ черномъ дремучемъ лѣсу... Глухая стѣна отдѣляла насъ отъ всего міра, отъ жизни и людей; между Миреле и мною вѣчно стояла тѣнь того неизвѣстнаго третьяго, офицера съ черными усами...

Когда обращались къ Миреле, она отвѣчала невпопадъ и удивленно смотрѣла на вопрошающаго, точно ее разбудили со сна. Казалось ужъ, что ничто больше не интересуетъ ее, не существуетъ для нея. И походка стала у нея, какъ у слѣпыхъ, такая-же тихая, несмѣлая, неувѣренная, будто вотъ-вотъ она наткнется на острый предметъ и

упадетъ лицомъ внизъ, содрогаясь отъ воображаемой боли. Лицо ея стало тоньше и блѣднѣй, подъ глазами синѣли темные, глубокіе круги. И таяла съ каждымъ днемъ...

Я любилъ ее, какъ никогда еще до того, безконечно... Невозможно передать эти муки Тантала. Днемъ и ночью я не находилъ покоя. Я былъ всецѣло опьяненъ ею и всей кровью моей стремился къ ней, желалъ ее... Она была такъ близка мнѣ, я зналъ ее всю... Я жаждалъ видѣть ее, ласкать, цѣловать... По ночамъ лихорадка страсти подымала меня изъ постели, я напрасно бродилъ по комнатѣ, меня со страшной силой влекло къ ней... И напрасно я боролся съ непоборимымъ желаніемъ... я все же приходилъ въ ея комнату. Миреле всегда ждала меня. Она покорно цѣловала мои руки, несмѣло глядѣла на меня глазами рабыни, потупивъ взоръ къ землѣ. Она была такая желанная, печально-красивая и доступная въ своей покорности... Иногда я на короткое время забывался въ восторгѣ... Но вскорѣ вновь вставалъ предъ глазами неясный образъ того, неизвѣстнаго, — офицера съ черными усами, который также имѣлъ ее всю, ласкалъ и цѣловалъ...

Въ такія минуты ревность покоряла разумъ и чувство, меня душила больная ненависть къ нему и Миреле... Я жаждалъ Миреле, какъ задыхающійся — воздуха, страстно желалъ ее, но въ то же время хотѣлось мстить ей за боль и обиду, которыя она причинила мнѣ, отдавшись тому, съ черными усами...

Иногда, бывало, глубокой ночью, я не въ состояніи былъ овладѣть собою и приходилъ къ Миреле... Въ пьяномъ забвеніи горячихъ, сладострастныхъ ласкъ, мы уносились въ далекій, неземной міръ... Ея любовь была жгучій ураганъ страсти, полнѣйшее забытье.. У нея было тѣло и душа вакханки. Она отдавалась дѣтски-наивно, съ такой внутренней чистотой, какъ цвѣтокъ раскрывается солнцу на зарѣ... Она неутомимо жаждала ласкъ. Съ каждой ночью ласки становились все болѣе зрѣлыми, жгучими, и никакъ не могли насытить до дна растущія желанія... И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ страстнѣе она цѣловала и ласкала меня, тѣмъ ярче рисовало мнѣ больное воображеніе то, что было съ нею наединѣ съ неизвѣстнымъ офи-

церомъ, съ черными усами... Я мучилъ ее разспросами, заставлялъ каждый разъ сызнова разсказывать подробности той ночи, безсознательно принуждалъ ее признаваться въ фантастическихъ выдумкахъ моего разгоряченнаго воображенія... И постоянно мнѣ почему-то казалось, что она не все разсказываетъ мнѣ и о чемъ-то, самомъ важномъ, не договариваетъ, утаиваетъ отъ меня...

Въ этихъ мучительныхъ для насъ обоихъ разспросахъ, я безсознательно страстно добивался узнать ея переживанія во время насилія... Было-ли это пріятно ей?... Ощущала-ли она въ объятіяхъ того то же что со мною? Обычно Миреле отвѣчала невѣдѣніемъ. Она прикрывала глаза и искренно старалась припомнить ту ночь, чутьемъ угадывая, какъ важно для меня получить ея окончательное признаніе, но почему-то не могла припомнить ничего. Тогда я, по своему, рисовалъ себѣ, по ея первымъ разсказамъ, ту ночь, вынуждалъ ее признаваться, что ласки офицера съ черными усами неизгладимо запечатлѣлись въ ея памяти... А, когда она, измучен-

ная допросомъ, чтобы удовлетворить меня, соглашалась со мною, я изступленно возмущался ея безстыдствомъ. Мнѣ казалось, что она ему совсѣмъ не сопротивлялась и, будучи въ моихъ объятіяхъ, продолжаетъ думать объ объятіяхъ того, перваго, и хладнокровно сравниваетъ ихъ...

Напрасно она въ слезахъ умоляла меня забыть все это и клялась мнѣ въ своей любви. Она наивно доказывала мнѣ превосходство моихъ ласкъ передъ ласками того... Она увѣряла меня, что совсѣмъ забыла его и совершенно не помнитъ, что съ нею тогда происходило. Но отвѣчая на жестокіе допросы, она постоянно путалась, сбивалась и, волнуясь, разсказывала все новыя подробности той ночи... Оскорбленный въ мужскомъ самолюбіи, я придирался къ каждой новой детали, всячески доказывалъ ей, что она лжетъ, почему-то говоритъ неправду, что-то самое важное не договариваетъ, утаиваетъ отъ меня... Мои упреки еще больше запутывали ее, она тотчасъ-же опровергала себя, каждый разъ еще больше возбуждая мое недовѣріе къ ея словамъ... Подъ вліяніемъ дикой ревности и оскорбленнаго

мужского самолюбія, я зло высмѣивалъ ея безстыдство и озвѣрѣвъ отъ боли и досады, бросалъ ей въ лицо оскорбительныя, страшныя для женщины слова... Она покорно и безмолвно выслушивала мои оскорбленія, принимала ихъ какъ должное... Мнѣ страстно хотѣлось, чтобы она, однажды, возмутилась моимъ отношеніемъ къ ней, чтобы она властнымъ окрикомъ остановила меня. Если-бы это случилось, быть можетъ я смирился бы... Но она покорно переносила всѣ оскорбленія и муки, воздавая мнѣ этимъ дань за мою безумную тоску по прежней, чистой Миреле...

XII.

Между тѣмъ приблизился день, назначенный для нашего обрученія. Въ домѣ лихорадочно готовились къ свадьбѣ. Портные, портнихи и швеи работали съ утра до вечера, выправляя приданое Миреле. Мать ея дѣлала огромныя закупки припасовъ, словно собиралась въ далекій путь, предсѣдательствовала въ совѣтѣ родственницъ и подругъ, гдѣ любовно обсуждались мельчайшія подробности нашей будущей жизни. Тща-

тельно мыли и украшали домъ, постоянно вызывали, то Миреле, то меня, къ примѣркѣ и непрерывно торопили насъ съ покупками для будущаго хозяйства...

Я и Миреле переживали страшную драму. День вѣнца, столь желанный раньше, теперь пугалъ насъ своей торжественной обрядностью. Мы почти перестали встрѣчаться наединѣ, а на людяхъ разсѣянно смотрѣли въ разныя стороны, боясь встрѣчаться взглядами, безсознательно симулировали стыдливость...

Ужъ дошло до печенія свадебныхъ тортовъ и пироговъ. По комнатамъ носились теплые, пряные запахи сладкаго тѣста, изюма, корицы, гусинаго жира и другихъ сладостей. Появились свадебные музыканты — тщедушные евреи съ малиновыми носами и вѣчно пьяными, вспухшими глазами. Они съ утра до вечера наполняли домъ адскими звуками, подъ предлогомъ репетицій, выпивали неизмѣримое количество водки, похищали изъ рукъ вспотѣвшихъ, раскраснѣвшихся отъ удалой работы у горячей плиты, кухарокъ и служанокъ полусырые пряники и печенія на закуску. Подъ окнами толпились

оборванные, голодные черноглазые еврейскіе дѣти прислушивались съ широко раскрытыми ртами къ чудеснымъ звукамъ разстроенныхъ скрипокъ, басовъ и флейтъ, глубоко вдыхая теплые, пріятные запахи вкусныхъ свадебныхъ яствъ. Густой толпой входили и выходили изъ дому родственники, родственницы, друзья, знакомые, сосѣди, сосѣдки и «такъ себѣ» евреи и еврейки, кто—по дѣлу, кто—безъ дѣла, суетились, давали совѣты, высматривали, выспрашивали, отдавали приказанія выбившимся изъ силъ кухаркамъ и служанкамъ, наполняли весь домъ адскимъ гуломъ и крикомъ, какъ на рыбномъ базарѣ въ большой, торговый день...

Наканунѣ вѣнца, глубокой ночью, Миреле пришла ко мнѣ. Въ домѣ еще не спали. Изъ отдаленной кухни доносились голоса, стукъ и грохотъ кухарокъ, готовившихъ фаршированную рыбу къ свадебному ужину на весь городокъ, въ сараѣ, во дворѣ, ругались за картами подвыпившіе музыканты... Миреле присѣла ко мнѣ на постели и шепотомъ спросила:

— Ты не спишь, Довидль?

— Нѣтъ, Миреле...

Изъ окна плылъ холодный голубой свѣтъ, какъ тѣнь мертвеца, проникалъ въ душу, сковывая мысли и желанія. Въ темнотѣ горѣли жуткими огоньками глаза Миреле и неясно мерцало ея лицо, худое и блѣдное. Въ бѣломъ свободномъ ночномъ платьѣ, она казалась тоненькой и хрупкой, какъ нѣжное деревцо... Миреле взяла мою руку, словно продолжая вслухъ наболѣвшія думы, зашептала:

— ...Я много думала о нашей жизни... Я, вѣдь, такъ люблю тебя, Довидль... Ахъ, я такъ много отдала-бы, чтобы еще хоть на одинъ день быть для тебя прежней, чистой, неоскверненной... Богъ, видно, хотѣлъ иначе... Что ждетъ насъ впереди? Развѣ вся наша жизнь не будетъ изломана, осквернена воспоминаніемъ о той ночи?..

— Я люблю тебя, Миреле...

— Я знаю, милый... Я это чувствую... Развѣ любовь можетъ выжечь изъ твоей памяти ту ночь?.. Ты вѣчно будешь чувствовать неудовлетвореніе, тебѣ все будетъ казаться, что кто-то ограбилъ меня у тебя,

что вмѣстѣ съ тѣломъ, у меня украли и душу мою, чистую, невинную...

— Но я люблю тебя, Миреле...

— Знаю, милый... Если-бы ты могъ заглянуть въ мою душу. Такъ много тамъ наболѣло. Мое тѣло кажется мнѣ чужимъ, оскверненнымъ и грязнымъ отъ прикосновеній того, другого... но оно такъ жаждетъ твоихъ ласкъ, твоей любви... А ты... Развѣ я не чувствую, какъ ты страдаешь, мучаешься, тоскуешь по прежней, чистой Миреле... Сможешь-ли ты завтра, открыто передъ Богомъ и людьми, признать меня твоей женой?.. Меня... оскверненную, бывшую въ грязныхъ объятіяхъ «гоя»...

— Но я все-таки люблю тебя, Миреле...

— Мирела не отвѣтила. Я лишь чувствовалъ, какъ судорожно вздрагиваютъ ея пальчики въ моей рукѣ. Она сидѣла съ опущенной головой, холодная и безмолвная. Мнѣ казалось, что она плачетъ. Я привлекъ ее къ себѣ и цѣловалъ ея глаза: они были сухіе и горячіе. Мнѣ захотѣлось приласкать ее, прогнать прочь съ лица ея блѣдную тѣнь смерти... Я впился горячими губами въ уста Миреле и въ ужасѣ почувствовалъ ихъ ледя-

ной холодъ. Я обнялъ ее. Она не сопротивлялась, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на безжизненномъ лицѣ. Все также отчетливо выступали сквозь тонкое, бѣлое платье, округленно-упругія, нѣжныя формы ея тѣла, но она лежала въ моихъ объятіяхъ холодная и застывшая, ни однимъ движеніемъ не отзывалась на мои ласки...

Напрасно я старался расшевелить ее думами о завтрашнемъ днѣ... Я клялся ей навсегда забыть прошлое и начать новую жизнь... Въ тиши мой голосъ звучалъ съ надрывомъ, въ немъ слышалась боль и надежда. Миреле все такъ же лежала въ моихъ объятіяхъ холодная, окоченѣвшая, смотрѣла вдаль полуоткрытыми глазами, блѣдная, безмолвная и далекая, какъ призракъ..

Во дворѣ, въ сараѣ, у музыкантовъ, тихо плакала скрипка подъ сурдинку. Издали казалось, что чьи-то тонкіе прозрачные пальцы нервно скользятъ по туго натянутымъ струнамъ и кто-то, невидимый, всхлипываетъ тоненькимъ голоскомъ, какъ покинутая женщина, заломивъ руки, жалуется, умоляетъ и безпомощно вздрагиваетъ, слившись въ темнотѣ съ таинственными ночны-

ми шорохами за окномъ. Я тревожно прислушивался къ звукамъ скрипки, охваченный мрачнымъ предчувствіемъ. Миреле, уставшая, разметавшаяся въ полудремѣ, тихо дышала, словно боясь нарушить своимъ дыханіемъ чарующую печаль музыки и, чему-то улыбаясь, прислушивался свѣтлый мѣсяцъ, царившій одинъ въ вышинѣ, надъ голубой, уснувшей землею...

Это была наша послѣдняя ночь, наканунѣ вѣнца...

XIII.

День прошелъ въ суетѣ и хлопотахъ. Я все время находился подъ впечатлѣніемъ странной, безсонной ночи. Путались мысли и ощущенія, тяжелое предчувствіе давило меня. Я весь день проводилъ въ посту и молитвѣ . . .

Я молился у восточной стѣны въ синагогѣ. Вблизи мой будущій тесть и вліятельные въ городѣ евреи подготовляли обрядности къ вѣнцу. Недалеко отъ Оренъ-Гакойдешъ служки разставляли вѣнчальный балдахинъ изъ пурпурнаго бархата съ золотыми ки-

стями, поддерживаемый четырьмя позолоченными древками.

Въ окнахъ все ниже опускалась алая полоса заката. Кровавый отблескъ ложился на стѣны и скамьи синагоги, оживлялъ яркій пурпуръ балдахина и возбужденныя лица людей.

А когда пришло время одѣвать невѣстѣ вѣнчальное платье и хватились Миреле, ея нигдѣ не оказалось. Всѣ въ домѣ бросились искать ее, обѣгали знакомыхъ и родственниковъ, но все было напрасно. И удивительнѣе всего было то, что никто не видѣлъ ее выходящей изъ дому. Тогда рѣшили, что она, согласно еврейскому обычаю, уединилась на молитву передъ вѣнцомъ и съ нетерпѣніемъ дожидались ея возвращенія...

Въ синагогѣ становилось темнѣе. Служки, смѣшно подбирая длиннополые сюртуки, неуклюже прыгали по скамьямъ и зажигали къ торжественному обряду всѣ свѣчи синагоги. Приглашенные на свадьбу евреи собирались небольшими группами, весело жужжали и отпускали остроты по поводу опозданія невѣсты. Когда же совсѣмъ стемнѣло, а невѣста не являлась, стали посылать

пословъ домой, чтобы поторопить ее... Но тамъ ужъ серьезно безпокоились отсутствіемъ Миреле и оглашали всѣ улицы ея именемъ...

У амвона канторъ настраивалъ хоръ пѣвчихъ. Мальчики весело шалили, баловались. Изрѣдка чистый, кристальный дискантъ подымалъ красивую ноту и на одно мгновеніе звенящее эхо покрывало тревожный гулъ толпы. Все чаще и чаще оглядывались назадъ къ дверямъ, откуда должна была появляться Миреле, но ея все не было...

Я горячо молился и мысленно возвращался къ первымъ днямъ моего знакомства съ Миреле. Было жаль прошлыхъ, безвозвратныхъ грезъ о ней. Она была тогда такая чистая, недоступная, святая... Теперь я видѣлъ Миреле во всей ея женственной прелести и зрѣлой красотѣ, страстно-чувственной, прекрасной и грѣшной... А вслѣдъ за нею тянулось нѣчто безформенное, липкое и грязное, одѣтое въ мундиръ офицера, съ черными усами... Ныла въ груди боль и жалость къ себѣ и Миреле. По временамъ мнѣ казалась страшной мысль, что сегодня Миреле станетъ моей женой передъ Богомъ

и людьми. Я испытывалъ такое чувство, словно меня заставили цѣловать передъ толпою оплеванный цвѣтокъ... Но я лицемѣрно утѣшался, что никто изъ присутствующихъ не знаетъ о моемъ позорѣ...

Жужжаніе толпы вокругъ меня становилось все громче и громче. Слухи объ исчезновеніи Миреле проникли въ синагогу и всѣ строили догадки, куда она могла дѣться. Поглощенный думами и молитвой, я не замѣтилъ ея долгаго отсутствія. Неожиданно, съ воплемъ и крикомъ, въ синагогу ворвались женщины и сообщили страшную вѣсть, что невѣсту нашли повѣсившейся на чердакѣ... Ужасъ ошеломилъ всѣхъ... Поднялся стонъ и плачъ. Безпорядочно принялись тушить огни. Всѣ бросились къ выходу, опрокидывая скамьи и столы по пути... Вначалѣ я не понялъ, въ чемъ дѣло. Все происходящее показалось кошмарнымъ сномъ. Затѣмъ, когда я остался одинъ въ темнотѣ и собрался съ мыслями, стѣны синагоги закружились со мной, я, какъ подкошенный снопъ, свалился на каменный полъ...

. . . .

Мирелe лежала на полу, покрытая чернымъ саваномъ, посинѣвшая, съ изуродованнымъ лицомъ и распущенными волосами. У изголовья ея таяли двѣ свѣчи, распространяя вокругъ теплое, удушливое исчадіе расплавленнаго воска и едва уловимый запахъ трупа, съ примѣсью сладкаго жасмина. Въ углу старики-евреи читали нараспѣвъ псалтырь, изрѣдка вытирая грязными, пестрыми платками красные, слѣпящіеся глаза. Во всемъ домѣ были завѣшены зеркала и потушены огни, но все еще носился по комнатамъ пряный, сладкій запахъ свадебныхъ яствъ и печеній, напоминая о чемъ-то веселомъ, праздничномъ...

Откуда-то, издалека, доносился плачъ и стоны родителей Мирелe, но она все такъ же лежала строгая, недвижимая и холодная, однимъ полуоткрытымъ глазомъ глядя въ даль, будто прислушиваясь къ печальному напѣву псалтыря... Безпощадная смерть окутала черными крыльями весь домъ и ледянымъ ужасомъ сковала сердца людей, спрашивавшихъ въ недоумѣніи:

— За что?.. Почему?..

И тихо плыло синее пламя свѣчъ. Тоненькія, дымчатыя колечки вились въ высь, отбрасывали большіе черные круги на противоположную стѣну, на ликъ Миреле. Мрачныя тѣни, какъ живыя, угрюмо шатались, черныя и безформенныя, вызывая въ моей памяти далекое дѣтское чувство одиночества, когда проводилъ ночи въ большой, полутемной синагогѣ. Я всматривался въ мертвый, искаженный ликъ Миреле и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Въ моей памяти я на вѣки сохранилъ ея живой прекрасный образъ, образъ моей Миреле, моей вѣчной невѣсты...

Нѣтъ, она не умерла, моя Миреле! . .

Развѣ можетъ умереть любовь?..

XIV.

Я живу на берегу тихаго моря. Въ долгія, безсонныя ночи, когда черезъ открытое окно доносятся всплески воды, я спускаюсь къ морю и стою одинокій, опираясь на палку худыми дрожащими руками, прислушиваясь къ тихому ропоту играющихъ волнъ. Изъ темнаго облачка смѣется свѣтлый мѣсяцъ. Такъ и чувствуешь его смѣхъ, колы-

хающійся по зыбкой поверхности моря длинной жемчужной полосой, точно раздѣльный, отдаленный хохотъ истеричной женщины:

— Ха-ха-ха-ха...

Въ горахъ каркаетъ воронъ. Перестанетъ, минутку отдохнетъ и съ новой силой примется за свое: кра-кра, кра-кра... Надъ головою летаетъ съ визгомъ морская сорока. Она плавно машетъ крыльями и скрывается въ темную и безбрежную даль, не замѣтивъ меня, съ тоской слѣдящаго за ея полетомъ. Далеко-далеко, за высокимъ чернымъ мысомъ мелькаетъ чуть видимый огонекъ рыбачьей лодки и нѣжный, ночной вѣтерокъ доноситъ ко мнѣ мягкіе, заглушенные голоса рыбаковъ.

У моихъ ногъ тихо плещется море. Далекое и таинственное, скрывающееся въ темной дали за едва обозначенной полосой горизонта, нѣжное и печально задумчивое, какъ возлюбленная при разлукѣ съ любимымъ, оно тихо всхлипываетъ и тоскуетъ, улыбаясь задушенной, грустной улыбкой, напоминающей мнѣ улыбку той, незабвенной, которая на зарѣ жизни глубоко рани-

ла сердце мое и отравила мою душу сладкимъ ядомъ любви...

Тихо плещетъ море. Темно-зеленыя пѣнистыя волны беззвучно подкатываются и звонко разбиваются о каменныя скалы. На горизонтѣ въ синемъ туманѣ бѣлѣетъ одинокій парусъ, а немного ближе надъ моремъ, паритъ орелъ съ широкорастопыренными крыльями, кружится и рѣзко, отрывисто кричитъ, привѣтствуя чуть видимую туманную зарю. Луна становится блѣднѣе и прозрачнѣе и ласково смотритъ на землю, посылая прощальный привѣтъ изъ снѣжныхъ облаковъ.

Погруженный въ думы о прошломъ, стою долгими часами у моря, опершись о свою палку, словно застывшій въ ожиданіи. Прибрежные жители-рыбаки привыкли ко мнѣ и никто не тревожитъ мои думы. Въ нихъ есть что-то общее со мною въ этихъ славныхъ, черноглазыхъ рыбакахъ, которыхъ море научило понимать чужое горе и относиться сочувственно къ одинокому старику, доживающему послѣдніе дни въ небольшой рыбацкой хижинѣ, на высокомъ берегу теплаго южнаго моря.

Счастливъ тотъ, кто на закатѣ дней своихъ можетъ любоваться солнцемъ и моремъ! Счастливъ тотъ, чья грудь вдыхаетъ теплый влажный воздухъ, несомый вѣтромъ изъ далекихъ раскаленныхъ береговъ Африки, пропитанный терпкими запахами соли, смолы и рыбы. Печалиться или радоваться, что любовь въ ранней юности отравила мою душу, обвила мои думы сладкими грезами? Не знаю. Я много страдалъ, но я покоренъ судьбѣ, давшей мнѣ извѣдать мгновенныя радости и долгія, тяжкія муки любви. Или, развѣ смерть хуже разлуки? Въ ней, въ смерти, есть нѣчто абсолютное, неизбѣжное, примиряющее съ совершившимся. Ледянѣетъ сердце. Кричишь отъ адской боли. Бьешься головой о каменную стѣну: смерть безмолвна! Она холодно смотритъ тебѣ въ лицо, нагло хохочетъ надъ твоими слезами, надъ твоими рыданіями. И все - же какъ бы ни было велико горе и отчаяніе тоскующаго, впереди всегда будетъ *желанная* избавительница - смерть.

И когда тихо ноетъ сердце, когда холодная тоска сжимаетъ грудь и наполняетъ глаза горячей влагой, я говорю самому себѣ:

Старый, глупый, несчастный еврей... Отчего ты плачешь? Зачѣмъ тоскуешь? Не лучше-ли, что она ушла изъ міра и этимъ искупила свой позоръ?.. Развѣ ея жизнь съ тобою не была-бы величайшей мукой на землѣ? Или ты еще не искупилъ твой грѣхъ безконечно долгими страданіями...

Успокойся, старый!.. Вотъ, скоро, очень скоро, пробьетъ твой часъ. Вѣдь, сказано:

«Возлюбленные и друзья, въ жизни и смерти неразлучимы...».

Влюбленное море цѣлуется съ небомъ. Волны беззвучно лобзаютъ берегъ и голубая ночь задумчиво ходитъ по землѣ, закутывая ее въ туманный саванъ. Вдали мигаетъ одинокій красный огонекъ, да хлопаетъ крыльями летающая надъ моремъ невидимая птица...

Стою одинъ на утесѣ, опираясь на палку худыми, дрожащими руками и, глядя во мглу, мысленно переношусь далеко-далеко отсюда, за тысячи верстъ, въ Литву, гдѣ стоитъ обросшій мхомъ, полукруглый камень, съ выцвѣтшей отъ ветхости надписью, именемъ моей возлюбленной...

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 070011835